

Журнал любителей литературы

Бульвар Зелёный

№ 10, июнь 2017 г.

Руководитель – Виктор Власов

Менеджер по работе с авторами – Анастасия Орлова

Финансовый менеджер – Александр Беспалый

Художники: Евгений Вальс, Екатерина Звягинцева,
Иван Иванов (обложка), Анастасия Мышева, Анна Секерина

Журнал издаётся на средства авторов.

Авторы предоставляемых материалов несут ответственность за их достоверность.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением автора.

При перепечатке или использовании материалов ссылка на журнал «Бульвар Зелёный» обязательна.

Рукописи, отзывы и предложения направлять по адресам:

yanataranchek@yandex.ru (Анастасия Орлова), **vicos@inbox.ru** (Виктор Власов).

Омск – 2017

Уважаемые читатели!

Приглашаем всех к изданию журнала.

Расчёт объёма текста для одной страницы:

- за 1 колонку поэзии (50 стихотворных строк, 4–5-стопных, в более длинных строках возможен перенос) – 300 руб.,
- за 1 страницу прозы (4500 знаков с пробелами и заголовком) – 700 руб.

Иллюстрация к произведению – 200 руб.

Каждому автору предоставляется бесплатно по одному экземпляру журнала. Дополнительные экземпляры «Бульвара Зелёного» можно приобрести у членов редколлегии.

Подписывайтесь на канал

Анастасии Орловой

и Александра Беспалого (GROM TV)

в YouTube https://www.youtube.com/channel/UCteR6WIKXcbxoE7P_XQ1XbQ

Наши партнёры

Информацию о журнале «Бульвар Зелёный» можно найти на сайтах:

CAMERA KUNSTA

Литературно-публицистический журнал «Клаузура»:

Афиша информационного агентства «ПРОАРТИНФО»:

Содержание

Раздел I. Найти свой жизненный путь

Ирина Михайлова

(Москва). Подвиг 3

Ксения Горохова (Арзамас, Нижегородская область).

Стихотворения 5

Анастасия Краун (Зеленоград, Москва). Мы лицемерны и учтивы 6

Надежда Николина (Омск). Стихотворения 8

Сергей Николаев (с. Шостье Касимовского района, Рязанская область). Русь крестьянская, ты моя 9

Тамара Маркова (Советск, Калининградская область).

Стихотворения 9

Раздел II. Запутаться в мечтах

Анастасия Орлова (Омск). Послание любимому 11

Ангелина Новгородская (Омск).

Стихотворение и песня 12

Василий Костриков (Омск). Рассказы 13

Марина Орлова* (Омск). Чёртов алмаз 27

Яна Долинская (Омск). Стихотворения 28

Александр Беспалый (Омск).

Душевные переживания 29

Денис Качуровский (Омск). Пародии 29

* – первая публикация автора.

В 9 номере журнала «Бульвар Зелёный» была допущена досадная ошибка в отчестве Ольги Гончаровой. Читать правильно: Ольга Вячеславовна Гончарова (Губернская).

Раздел I. Найти свой жизненный путь

Ирина Михайлова
(Москва)

Ирина Евгеньевна Михайлова родилась в 1986 году в городе Люберцы (Московская область). Окончила Литературный институт им. М. Горького и семинар прозы советского писателя Александра Евсеевича Рекемчука. С 2010 года член Союза писателей Москвы. Работает учителем русского языка и литературы в школе. Публикуется в альманахах и журналах. Организовала литературный клуб «Прозак». Ведёт встречи и обсуждения. Приглашает в свой клуб молодых писателей.

Подвиг

Артём выводит буквы старательно, медленно, чёрточка за чёрточкой.

Перед ним образец – прописи, ещё оставшиеся с первого класса, и он смотрит в них, чтобы его буквы были хоть чуть-чуть похожи на те, что там. Но они не похожинисколько.

Синие кособокие, мелкие, одна буква залезла на другую, вместо «и» – сплошные палочки.

Он зачёркивает всё слово, злится, зачёркивает сильнее, нажимает на ручку так, что рвётся лист. Вырывает, мнёт его в белый с синими полосками комок, и начинает писать заново.

Тетрадь разлинована ровно. Красные поля угрожающе близко. Он боится зайти за них, не успевать перейти на новую строчку. Но успевает, переносит слово вовремя и тяжело вздыхает, словно от физической усталости.

– Не мельчи. Пиши большие буквы. Видишь – как здесь.

Рядом с ним – дедушка. Он бы не старался так, если бы не дед. С мамой не получается, с мамой – совсем другое. С мамой можно закапризничать, захалтурить и ничего в итоге не написать. Но дед... Дед – такого не прощает. Он сидит рядом и смотрит.

И Артём пишет, доводит букву до самой верхней черты, и когда получается – украдкой косится на деда. А дед следит за его рукой.

– Давай, давай, не останавливайся, строчка ещё не закончилась.

И Артём начинает писать быстрее. От этого сбивается, вздыхает, переворачивает страницу и начинает опять.

Рисунок Анастасии Мышевой

...

Артём сейчас в пятом классе. Его всё время ругают за почерк. В школе сложно. Там нужно писать быстро и понятно. А всё вместе не получается. Получается только что-то одно.

В школе нет дедушки. Только одноклассники. Помочь – некому.

– Опять, посмотри, буква куда уехала, – говорит дед.

Артём смотрит – и действительно, линия перечеркнула букву ровно пополам.

– Букву любить надо, – говорит дед, – и уважать. Она – как живая. Если перечеркнёшь – это как человека. Мы на войне письма писали на коленках – и то старались.

Артём не понимает – как это «любить»? Разве её можно любить? Вот маму, бабушку или деда – можно. Это другое дело. Их Артём любит, поэтому сидит терпеливо и выводит свои буквы.

...

Дедушка живёт с ним всю жизнь. Сколько Артём помнит себя – столько он помнит деда. Бабушку с мамой он тоже помнит. И папу помнит. Но они есть почти у всех его одноклассников. А вот дедушка есть только у некоторых. И у него. Поэтому это выделяет его, он – не как все. И когда спрашивали – у кого есть дедушка – Артём поднял руку и обернулся. Всего несколько человек ещё подняли. И он был доволен.

Он тогда пришёл домой и сказал:

– Дед, тебя нет ни у кого. Только у меня.

– Ну, конечно, только у тебя, – смеялся дед, – у кого же ещё!

– Нет, ну, мама у всех есть, и папа. А дед – только у меня.

– Ну, прям уж не у кого? – всё смеялся дед.

– Только ещё Макс, Кирилл, Миша, Дашка и Толя руку подняли. И больше никто.

Дед как-то погрустнел. И Артём тогда ещё решил – что, может, ему нехорошо думать, что он такой редкий, что таких мало осталось. И он сказал:

– Ну, в других классах может есть. Я не спрашивал.

– А ты спроси, – подмигнул дед, – может, и правда, только пять и осталось.

И засмеялся.

Всё это показалось Артёму странным. Дед то грустит, то смеётся. То радуется, что он такой один, то нет. Артём пожал плечами и решил, что не будет спрашивать.

...

А сейчас дед сидит рядом с ним и говорит, что буквы надо уважать.

– Ведь слово – что такое? – говорит он, – это целая жизнь. Вот скажешь – «лес» – и появляется твоя деревня. А «река» – и вспомнишь, как купаться с тобой ходили.

Да, купаться с дедом всё время ходили. И рыбу ловили. Всё лето – на даче. Один раз от мамы досталось и Артёму, и деду. Когда утром ушли, а пришли к обеду. Бабушка всю дачу обегала. А они сидели на их секретном месте, о котором никто не знал, и дед говорил:

– Рыба тишину любит. В той стороне реки людей много, рыба сюда и уходит. А тут – никого. Сейчас рыбы много будет.

– А почему о нём никто не знает – ты же знаешь?

– Ну, я! – дед усмехнулся, – я уже сколько лет живу! Всё знаю.

– Всё нельзя знать, – сказал Артём, – никто всё не знает.

Артём тогда боялся, что дед обидится. Но дед не обиделся.

...

Сейчас Артём выводит слово «лес» и «река» много-много раз. Целую строчку.

Дед встаёт и идёт к окну. Уже темно – осенью темнеет рано – и дед щурится, всматривается куда-то. Артём отвлекается, тоже хочет посмотреть в окно, узнать, что там.

– Куда ты смотришь? – спрашивает он.

– Никуда не смотрю. Пиши давай, ещё и полчаса не сидим.

И Артём опять пишет. А дед всё смотрит в окно.

Артём так часто застаёт деда. Он словно бы спит, а сам смотрит в одну точку.

– Ну, ты так долго будешь? – кричит ему тогда Артём.

Но дед поворачивается к нему не сразу.

– Что шумишь? Задумался я.

– Не задумывайся так, – говорит Артём, – мне не нравится, когда ты так задумываешься.

– Ну, хорошо, не буду, – смеётся дед.

Дед вообще всегда смеётся. Он ничего никогда серьёзно не говорит. Скажет – а сам смеётся. Ответит – смеётся. Артёма это ужасно раздражает. Он хочет, чтобы его воспринимали как взрослого, а не смеялись. И он злится на деда. А дед и этого как будто не замечает.

...

Только один раз дед не смеялся. Когда к нему пришли из журнала. Пришли разные люди. И старые, и молодые – всякие. Пришли – сели за стол – говорили. Долго говорили. И тогда дед был строгий. И Артём казался сам себе совсем ещё маленьким.

– Твой дед – настоящий герой, – сказали тогда Артёму.

– Почему? – спросил он.

– Он подвиг совершил. Что, неужели не рассказывал?

И Артём спросил вечером у деда:

– А ты какой подвиг совершил?

Но дед опять не ответил, а только отшутился.

– Какие все совершали, такой и я совершил.

Артём обиделся, и решил больше не писать слова вместе с дедом.

Когда дед пришёл к нему в комнату, Артём не сел за стол, а лёг на диван и отвернулся к стене.

Дед молча подошёл к окну, сел на стульчик около и стал смотреть на улицу. Так и просидел положенный час, какой они обычно писали.

На следующий день было то же самое. Потом тоже. И всю неделю.

Дед не ругался – он никогда не ругался. Просто сидел, а потом уходил.

Через неделю Артём сдался. И когда дед пришёл опять – сидел за столом с тетрадкой.

Дед достал прописи и стал привычно смотреть – как Артём выводит букву за буквой. И привычно исправлять – «это не то, эта буква не туда ушла, эта вкось поехала».

Артём переписывал одно и то же слово опять и опять.

...

Это потом Артём узнал, что дед в 1945 году на подступах к Вене пленил двух немцев, которых с оружием доставил в штаб части. А на следующий день, в разведке, засёк две огневые точки противника и дал целеуказание для их уничтожения.

Отец рассказал.

– А что такое «целеуказание»? – спросил Артём.

Рисунок
Анастасии Мышевой

– Цель значит верную дал, – ответил отец.

А потом ещё Артём узнал, что дед в числе первых форсировал канал Малый Дунай, вёл неравный бой с немцами, вышел победителем. А при выбытии из строя командира отделения принял командование и продолжал бой. За что и получил «Красную звезду».

При жизни деда Артёму об этом не говорили.

...

Дед его никогда не хвалил – как бы Артём ни старался.

– Ты и так должен делать хорошо, – говорит он, – плохо делать не разрешается.

– Кем не разрешается? Тобой?

– А хоть бы и мной!

– А когда тебя не будет, то можно плохо делать?

– Когда не будет – тоже нельзя!

– А как ты узнаешь?

– Я всё узнаю! Буду в окошко к тебе заглядывать. И если увижу, что не пишешь в положенное время – то сразу всё узнаю.

– А я окно закрою! И вообще перееду!

– А я и через закрытое. У меня повсюду будут глаза.

Артём больше не знал, что сказать. Он глубоко внутри верил, что дед и правда всё видит, даже если окно закрыть.

...

– А ты когда-нибудь умрёшь? – спросил однажды Артём.

– Умру, – сказал дед ни на секунду не задумавшись.

– И как же будет?

– А вот как! Меня возьмут и вот так разрежут, – и дед показал пальцем вдоль живота.

Артём зажмурился.

– Не бойся, – сказал дед, – это уже не больно будет.

Тогда Артёму стало как-то не по себе. Что вот он – дед – скоро, наверное, умрёт, а всё-таки сидит с ним и пишет буквы. Целый час в день! Это же так много! А мог жить для себя.

С тех пор Артём старался научиться писать лучше и быстрее, чтобы дед отдохнул и не сидел больше с ним.

Но быстрее и лучше всё не получалось.

– А так хорошо? – спросил Артём и посмотрел на ровное красивое слово, написанное чётко в своей строчке.

Дед ему не ответил.

...

– Тём, отдохни. Бабушка пришла, посиди с нами, – вошла мама и встала около него.

Посмотрела в тетрадку:

– Хорошее слово получилось. Молодец!

Артём посмотрел на неё. Обвёл глазами комнату. Больше никого не было. Деда не было.

Мама взяла тетрадку.

– Очень хорошо, – сказала она, – и в школе так же пиши.

– Ладно! – сказал Артём.

Артём закрыл тетрадку и вылез из-за стола.

– Пишешь? – спросила бабушка на кухне, – деда теперь нет – с тобой заниматься некому. Давай сам.

– Ладно! – опять сказал Артём.

А сам подумал – глупая бабушка, не понимает ничего. Дед есть, всегда будет, сам же говорил – в окно смотрит. Вдруг Артём замер.

– Сейчас приду! – крикнул он.

Побежал в комнату, открыл тетрадку на хорошем слове, оставил так и убежал обратно.

Дед посмотрит – пусть видит.

Артём ушёл. А тетрадка осталась лежать на столе, открытая, со словом, ровно уместившимся в чёрточки на листе бумаги.

Ксения Горохова

Арзамас,
Нижегородская область

Ксения Александровна Горохова родилась 7 апреля 1986 года. Проживает в Арзамасе Нижегородской области. В 2008 году с отличием окончила Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара. Публиковалась в литературном альманахе «Автограф», № 10 (2014 год), в сборнике лучших работ конкурса «Понять себя» (2014 год), в альманахе «Жарки сибирские», № 15 (март, 2014 год), в литературно-публицистическом журнале «Интеллигент. Избранное», № 3 (2014 год), в литературно-публицистическом журнале Московского Салона Литераторов «Московский BAZAR», № 2 (12), 2014 год, в журнале «Начинающий писатель» (октябрь – ноябрь, 2014 год), в литературном Интернет-издании «Р. S.» № 28 (июль, 2014 год), в альманахе «45-параллель», № 32 (ноябрь, 2015 год), в сборнике проекта «Золотой томик стихов. № 2» (2016 год).

Из цикла «Проза жизни»

Песенка

Длиннее предложения
и меньше запятых.
В зеркальном отражении
нет юных и седых.

В зеркальном отражении –
перерождений круг,
на цыпочках хождение,
напраслиной – испуг.

В зеркальном отражении –
сказитель вековой,
твоё в судьбу вторжение,
анфас обманный твой.

В зеркальном отражении –
немые слова,
актёрские движения,
земные чудеса.

декабрь 2016 года

Голосами наполнено утро,
С потолка к нам стекает рассвет,
И идут пешеходы понуро,
свесив головы вниз. Наш сосед
бодро двигает стулья по полу,
бесшабашно грохочет дверьми.
И я что-то пытаюсь припомнить,
ища душу свою меж людьми.
За окном явь гудит и кружится,
и куда-то несётся. Куда?
Боже мой, я – транжира! Транжира!
Я люблю жизни, данной мне, дар!

10 февраля 2017 года

Оранжевым путём рассвета
идёт апрель.
Ни птичьих пений, ни соседа –
лишь только трель
стихов в груди. И взгляд сердитый!
И боли нет.
И время – к трону! – «Погоди ты,
дай власти мне
над этим небом над строкою
и тишиной».
И я краду часы покоя.
– «О, Бог ты мой!».

14 марта 2017 года

Проза жизни

А на верёвочном мосту,
где зыбко и тревожно,
ты постигаешь высоту
и удержаться сложно.

Над головою небеса,
а под ногами – пропасть.
Самой тебе себя спасать
и становиться прозой.

Ещё не вечер, но темно
над горизонтом дальним.
Вся эта жизнь – сюжет кино,
полёт над городами.

И в этом нет ничьей вины,
И дрожь пронзает пальцы.
Нам всем дано мирам иным
когда-нибудь отдаться.

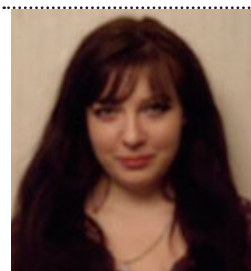
Когда-нибудь, но не сейчас –
ты держись за воздух,
ведь греет тех твоя свеча,
с кем вместе пишешь прозу.

21 марта 2017 года

Благодарю

Вот жалюзи, углы окна,
прямоугольные глазницы,
качелей скрип, намёки сна,
мои смежённые ресницы,
капель и баюшки-баю,
машин грохочущее эхо.
О, жизнь, как я тебя люблю!
Благодарю за чувство это!
И снег, что выбелил апрель,
и календарный день весенний,
и в сердце отпертую дверь –
надежду на души спасенье.

22 апреля 2017 года

**Анастасия
Краун**

Зеленоград, Москва

Анастасия Алексеевна Краун родилась 27 мая 1986 года в городе Ташкенте, республика Узбекистан. В настоящий момент проживает в Москве. Окончила школу с углублённым изучением немецкого языка и Московскую Академию Делового Администрирования по специальности «Мировая экономика». Занимается творчеством в области литературы и дизайна. Публиковалась в журналах «Мастерская», «Союз писателей», газете «День литературы», принимала участие в литературных конкурсах. Пишет прозу, поэзию. Увлечения: книги, кино, иностранные языки, музыка.

Мы лицемерны и учтивы

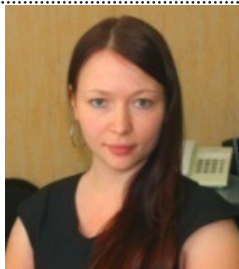
Мы лицемерны и учтивы,
Нелепой гордостью полны.
Мы преклоняемся пред силой,
Которой всё подвластно в мире,
Что мир способна превратить
Вмиг
В состояние войны.
Мы прячемся от нас самих,
Когда-то позабыв себя.
Мы скучковались по углам,
Дрожа от страха, озираясь,
По грязным пыльным сторонам,
Где звук затих
Меж мрачных стен.
В какой-то неприметный день
Мы в жизни нашей начинаем
Вдруг жить
Сознанием других.
Мы нечестны уже с собою,
Больны идеями извне,
В угоду публике, что нам
Неведома на самом деле.
С последних сил
Мы еле-еле
Ползём по правилам,
Что писаны
Не нами,
Не для нас.
Боимся упустить свой шанс,
Пусть даже он не свой –
Чужой.
И пусть
Хотя бы так.
Хотим лететь? –
Боимся...
Хотим мечтать? –
Стыдимся...
Хотим идти
Не общей колеёй? –
Не верим, что возможно...
А вдруг так нужно –
Быть красивым?
А вдруг так нужно –
Жить красиво?
И демонстрировать в сетях,
Как сами мы попали в сети?
Как глупые, слепые дети
Бежим на каждый крик...
Покажем миру,
Докажем миру,
Заявим миру:
«Мир, я с вами!
Такой, как вы!».

А мир хохочет над тобою,
Клокочет огненным нутром.
Наутро,
Подсчитав героев,
Свою покорнейшую рать,
Не зная устали и сна,
В своё безумие играет,
Что нитью красною проходит
Сквозь быстротечные века,
Своею яростью наказан...
Но мир, привыкший побеждать,
Себя внутри обезобразив,
Снаружи волен украшать.
Ликует наш безумец-мир,
Но смех его страшнее ада.
И видя раз
Нельзя забыть
Бездушность горькой клоунады.
И даже становясь слабей,
Держа в руках
Стекло и стразы,
Кричит, грохочет мир, что те
Вполне способны заменить
Собою редкие алмазы.
А после, как обычно, мир,
Заправив подлиннее нить,
Своей безжалостной иглою,
Пронзает новый экспонат –
Всех тех, кто подписал контракт
Беспечно, слепо, безвозвратно,
Чтоб обновлённую гирляндой
Неспешно снова наряжать
Свои округлые бока.

29 марта 2017 года

Рисунок Анны Секериной

Надежда Николина

Омск

Устали сильнее собак,
По телеку мрак и разбой.
Вокруг лишь словесные драки
Увлечённых нечестной игрой.
А, знаешь, как было когда-то,
В году, может, двадцать втором,
Шагая вперёд напролом,
Отчаянно пели ребята:
«Прошу тебя, Красное знамя,
Веди нас неровной тропой,
От искр загорается пламя,
И день уже минул восьмой».
Ах, радуйся, есть ещё шансы,
Ты можешь видеть, читать
Политиков странные танцы,
За ужином власть проклинять.
Но не выходи ты с плакатом,
А тихо в Фейсбуке пиши,
Можно и грязным матом
В глубине Интернетной тиши.

12 января 2016 года, 7:00,
Новосибирск – Томск

Рисунок Анастасии Мышевой

Когда я кремлёвские стены увижу,
Кремлёвскую колбасу кусками нарежу,
На кремлёвское масло её положу
И кремлёвским шампанским запью.
По кремлёвскому времени сверю часы,
Законы кремлёвские не так уж просты.
Кремлёвские «звёзды», получая пайки,
Кремлёвской диеты золотые мешки,
В кремлёвском дворце умирают с тоски,
Кремлёвским курсантам давая пинки.

15 февраля 2016 года, 22:19

Рисунок Ивана Иванова

Жил один человек на этой земле,
Имя его начиналось на «В».
В неполные тридцать лет
Не знал он несчастий и бед.

Хотел он понять – познаваем ли мир,
Об этом он тысячу книг прихватил.
Читал, в тетрадку конспекты писал,
На практике тщательно всё проверял.

Первой теорией был догматизм.
Обряды послушно он выполнял,
Словам священным он доверял,
Но как великий пост настал,
На этом наш парень прокис.

Второй теорией был скептицизм.
Нет мысли удобнее или умней,
Чем непознаваемость всяких вещей,
И понял он из скучных речей –
Мир как большой эвфемизм.

Третьей теорией был солипсизм.
Неправильно понятый как пофигизм,
Если на что-то не хотел он смотреть,
Ластиком тщётно пытался стереть.

Четвёртой, по случаю, был эмпиризм.
И крайней формой – сенсуализм.
Результатом познания стала статья,
Оправдан он был, но погодя,
В деле его появилась графа,
А поводом, впрочем, был фетишизм.

Вернувшись с допроса через три дня,
Рационализмом увлёкся тогда.
Он разумом вещи пытался понять,
Законы физики не стал применять,
В итоге сломал два ребра.

Наш горе-учёный запомнил урок,
Что знает каждый сверчок свой шесток.
Он долго скитался по миру пустым,
Сейчас занимается делом простым.

Не знаю, поможет рассказ мой иль нет,
Вот мой конкретный ответ:
Ты делай лишь то, к чему тянет душа,
А книги оставь для ума.

20 февраля 2016 года, 0:43

Рисунок Анастасии Мышевой

Обленились без работы руки,
Настрадалась русская душа.
И к бутылке тянется от скуки,
Гибнет Русь, спиваясь, не спеша.

Вымирают добрые крестьяне,
Что в колхозы загнаны страной,
А поля, заросшие в бурьяне,
Стали их «родимой стороной».

Голь моя, в обветшавших фуфайках,
Напилась, под забором лежишь,
А правительство травит нам байки
Про счастливую, сладкую жизнь.

Сколько ты униженья терпела?
Раскулачило время тебя.
Никогда ты богатств не имела,
Русь крестьянская, ты моя...

Рисунок Ивана Иванова

**Сергей
Николаев**

С. Шостье Касимовского
района, Рязанская область

Сергей Николаевич Николаев родился в 1968 году в селе Шостье Касимовского района Рязанской области.

Русь крестьянская, ты моя

Русь моя, совсем ты разорилась,
Все поля заброшены твои.
Иль на нас ты, грешных, разозлилась,
Что не бережём своей земли?

А крестьяне брошены страной,
Позабыты властью, как всегда.
Пьянства их, страна, уже не скроешь,
То России давняя беда.

**Тамара
Маркова**

Советск,
Калининградская область

Тамара Владимировна Маркова. Лауреат международной премии «Филантроп», член Союза писателей, член Международного союза писателей.

Встреча в Самарре

В Багдад, что зеленью богатый,
Торговые пути вели,
Ломился рынок яством, златом,
Рабами... – всё сюда везли.
Один торговец в день чудесный
Раба на рынок отослал,
Еды купить к обеду, специй
И вин заморских для стола.

Корзину взяв, ушёл несчастный
И долго шастал меж рядов,
Кладя в корзину овощ разный
И снедь с далёких берегов.
Товар неспешно выбирая,
Почувствовал внезапно он,
Что кто-то ласково вздыхая,
Плеча коснулся – замер он.
И обернувшись, вдруг заметил,
Стояла женщина за ним
Вся в белом. Взгляд его отметил –
Звала знаменiem дурным.
То Смерть была. Дрожа от страха,
Корзину выронив из рук,
Помчался так, что вся рубаха
Вспотела от невинных мук.
О том поведал господину,
И стал просить скорей коня:
«В Самарре я на время сгину,
Там не достанет Смерть меня!», –
Вскочив на лошадь, он умчался,
Лишь взвилась пыль крутым столбом.
Он обмануть судьбу пытался,
Покинув город напролом.
Не сотворив еды к моленью,
Торговец сам на рынок – шашть.
И там, к большому удивленью,
Он встретил эту же напасть.
Смерть тихо по рядам ходила,
Перстом своим клеймя того,
Кого потом к себе манила,
Не обещая ничего.
Торговец к ней: «Скажи на милость,
Чем напугала ты слугу?
Он показал такую живость,
Сбежав в Самарру. Знать могу?», –
«Сама удивлена немало,
Его увидев средь людей.
Нет, я беднягу не пугала,
Увидеться хочу скорей.
Со мной он встретиться обязан,
Коль жребий вытянул такой,
В миру уже ничем не связан,
И обретёт вдали покой».
Так просто дело разрешилось,
В Самарру скорбный путь ведёт.
Коль белолицая явилась,
Судьбы уловка не спасёт.
Какие хочешь ставь препоны,
Куда угодно убегай,
У Смерти есть свои законы –
В скрижалях запись завершай.

Уходишь? Уходи! Я не держу.
Немилая любовь мне надоела!
А что ты там курила или ела –
По барабану, не по типу.
Ты не коси глаза. Я не смотрю,
Куда уходишь с ловкою сноровкой,

Прикинуться пытаешься воровкой,
Но я тебе любовь не подарю!
И пусть зима дороги замела,
И сердце обложила колкой стужей,
Ты не была особенно досужей,
Твою бы душу вымыть добела!
Но не судьба страстями горевать.
Уходишь? Уходи! Весне дорогу!
Оправлюсь от болезни понемногу
И снова буду ласточкой летать.

Рисунок Анастасии Мышевой

Когда-нибудь я напишу стихи,
Овеянные запахом сирени,
И оживут лесные ручейки,
Где мы встречались на заре весенней.
А, может, ничего не напишу,
Зачем тревожить, что ушло когда-то?
Я в тишине тихонько поброжу,
Поговорю с сосёночкой мохнатой.
Она ведь помнит наши встречи здесь,
Как мы с тобою нежно целовались...
Я напишу, а ты прочти ту весть,
И вспомни те года, что прочь умчались.

Как обмельчали нынче души!
Как деградирует народ!
Ведь если телятник слушать –
Надежда в лучшее умрёт.
Взрывают, мочат люд в сортире,
Елей на души всюду льют,
А самый и гуманный в мире –
Преступников не тянет в суд.
Любовь к народу – это сказка!
Пыльца золотая мозг застит,
И олигархова отмазка
Привычно долларом звенит.
Нет-нет. Увы! Владеть умами,
Обманами держать в узде –
Задача власти. За ушами
Лапша, пригодная к еде...
Любовь к народу – это сказка!
Но ждёт доверчивый народ,
Что лицемерия сгинет маска
И он без страха заживёт.

Снег прошлогодний упрямо не тает,
Хоть вылей горячей воды литров сто.
Всевышний, наверное, спит и не знает,
Что вновь календарное лето в пальто.
А мне запахло – снегуркина нежность!
На праздник Купавы её заберу,
Там над костром улетит в свою вечность,
И снег прошлогодний растает к утру.

Май голосит, звенит, поёт
И даже грозами пугает,
А одуванчиков полёт
Нас к лету быстро приближает.
Цветёт и буйствует сирень,
Всё хорошо и жизнь прекрасна!

Давно почивший, старый пенёк
Позеленел под солнцем ясным,
Шмелей и пчёлочек хоромовод
Жужжит над пышными цветами...
Всё в мае радостью живёт,
Во всём любовь царит над нами!

Рисунок Анастасии Мышевой

Раздел II. Запутаться в мечтах

**Анастасия
Орлова**
Омск

Анастасия Юрьевна Орлова родилась 20 августа 1987 года в Барнауле (Алтайский край). Блогер. Менеджер по работе с авторами в журнале любителей литературы «Бульвар Зелёный».

Послание любимому

Посвящается А.Н.М.

Ты как всегда очень серьёзен... Только иногда на твоём лице можно заметить скупую, но искреннюю улыбку... И мне хватало одного такого раза, чтобы понять, что я влюбилась в эту улыбку и её обладателя.

Ты всегда очень строг. Ведь иначе и быть не может. Этого требует твоя работа. Тебе трудно.

И, кажется, что твоё сердце ожесточилось, но ты милосерден... Милосерден ко мне, в первую очередь. Мне показалось, что ты понял меня, поэтому и... отпустил... Ведь ты знаешь, кто я, а я знаю кто ты. А две противоположности, как правило, притягиваются...

Я человек непростой. Я ветреная девчонка, хулиганка... Для кого-то я даже изгой. Со мной не всегда бывает правильно, спокойно и комфортно. По жизни я иду своей дорогой, и порой не зная, в какие дебри эта дорога меня снова может завести.

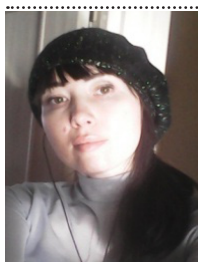
Играть со своей судьбой, словно в русскую рулетку – это мой конёк... Это мой выбор... Это мой крест, который я буду нести всю свою жизнь. И в этой беспощадной игре мне пока отчаянно везёт... Наверное, там, на небесах, уже давно решили, какая меня ждёт судьба. Мне, видимо, на роду суждено быть той, кто я сейчас. И это тоже нелегко.

Я не оправдала твоих надежд... Я испортила всё. Как всегда. Но я очень скучаю без тебя... Но нам не суждено быть вместе... Ты не свободный человек... Слишком много испытаний мне снова придётся пройти, чтобы оказаться с тобой рядом... Чтобы просто наслаждаться твоим присутствием в моей ненормальной жизни...

Я буду стараться быть лучше. Стремиться изо всех сил. Чтобы ты мог мной гордиться... Гордиться каждой минутой, каждой секундой. И, вспоминая, наслаждался тем малым временем, которое нам отвела судьба. Ах, если бы можно было остановить время вспять... Я бы многое отдала, чтобы быть с тобой рядом.

Любимый мой... Помни обо мне... Пусть игривый лучик солнца, утром заглянет в окошко, когда ты будешь лежать на постели и напомним обо мне, моих глазах, улыбке, прикосновении моих рук. Или дуновение тёплого июньского ветерка напомним о нашем знакомстве, когда встретились две, казалось бы, противоположности. И тогда весь мир для нас остановился... Пусть этот ветерок олицетворяет ту страсть, которая зародилась, но была вынуждена затаиться в силу своих непоколебимых обстоятельств... Но страсть не умерла... Она жива, и будет жить долго...

Я не забуду тебя никогда, моя кисло-сладкая любовь...

Ангелина Новгородская

Омск

Ночью

Под покрывалом ночи одиноко
Молчит и дремлет тишина.
Уснули листья, спит трава,
И в окнах светится луна.

В тоске полночной только звёзды блещут
И призывают думать о тебе.
Как по дороге озарённой, млечной
Рождается сходящее во мгле.

Как много звёзд, как много откровений,
Как лучезарен свет ночной дали!
Так тихо светят звёзды, что отныне
Ты представляешь ясность млечного пути.

Иди и сохрани звезду в ладони,
Пусть звёздочка тихонько посветит.
А на далёкой, но родной дороге,
Быть может вспыхнет, может улетит.

Представь, что звёздочка в твоих больших ладонях,
Ты бережёшь её от разных смертных бед.
И вот, когда растает вдруг тихонько,
Пройдёт немало долгих звёздных лет.

Рисунок автора

Куда уезжает оркестр

1 куплет

Куда уезжает оркестр,
В какие ещё города?
Смотрите, танцует невеста,
Смотрите, танцует она.

Оркестр, стой, поиграй мне!
Пропой мне строчку певец.
Ах, мило осеннее танго,
Ах, мило, как много невест.

Припев:

Парочка наша встречается,
Песня звучит, не кончается.
Верится, слюбится, терпится,
Огонёк догорает в ночи.

Листик жёлтенький мается,
Осень с нами прощается.
Песня любви не кончается,
Время идёт, не спеши...

2 куплет

Стою на опушке зелёной,
Стою и не плачу, боюсь.
Боюсь, ну, откуда же ссоры,
Откуда же бледная грусть?
Ушёл и оставил украдкой,
Ушёл и кинул цветок.
Какая мне будет боль в сердце,
Когда обронила листок:

«Прохладная, милая верю,
Что ты не уйдёшь от меня.
Вся в листьях, вся в розах и перьях,
Ты всё же родная моя.
Люблю тебя и тоскую,
В мечтах твой образ храню.
И именем нежным зову я,
Я верю в тебя и люблю!».

Припев:

Парочка наша встречается,
Песня звучит, не кончается.
Верится, слюбится, терпится.
Огонёк догорает в ночи.

Листик жёлтенький мается,
Осень с нами прощается.
Песня любви не кончается,
Время идёт, не спеши...

Рисунок автора

Василий Костриков

Омск

Василий Семёнович Костриков (17 сентября 1929 – 12 июня 2007). Родился на хуторе Рябовка Волгоградской области в многодетной семье. В 1941 году 12-летним мальчишкой, когда его отец погиб на фронте, пошёл трудиться в колхоз, чтобы помочь матери воспитать остальных малолетних детей. Работал на металлургическом заводе в Волгограде. В конце 1954 года переехал в Омск. В 1971 году окончил университет марксизма-ленинизма при Омском областном отделении Союза журналистов СССР, получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы. Писал рассказы, стихотворения, поэмы. Печатался в региональных периодических изданиях.

Не товарищ

Цикл «Бродячие истории в народе»

Мастер раздал задание рабочим и повернулся к молодому парню, стоящему в сторонке, ожидающему получить указания на свою работу.

– Это Миша Солин, – сказал мастер, задумчиво трогая свой кончик носа. – Ты сегодня у нас новичок, с термической работой ещё не знаком, а, следовательно, работы для тебя подходящей пока нет. Сейчас прочитаю тебе инструктаж, и пойдёшь на участок. Дня два-три будешь присматриваться, помогать ребятам шибера открыть или детали подносить... Внимательнее наблюдай, как они калят, больше расспрашивай их о работе. Термист специальность очень интересная и знать надо много.

– Конечно, Василий Иванович, – взволнованно ответил Миша Солин. – Я буду стараться, чтобы не подвести коллектив.

– Ну, что ж, это хорошо, что чувствуешь перед коллективом ответственность, – заметил мастер и попросил парня подойти к столу на инструктаж.

Солин молча сел на стул, приоткрыв рот и затаив дыхание, стал слушать своего наставника. В словах мастера всё было для парня ново и совершенно не знакомо. Закончив говорить, тот заполнил бланк и подал его новичку, сказав:

– Всё ясно?

– Всё, Василий Иванович, – ответил парень и поднялся со стула.

– Ага, ну, хорошо. Раз всё ясно, тогда вот здесь подпишись.

Парень поставил подпись и вопросительно взглянул на мастера.

– А теперь, – развязывая папку с бумагами, заговорил тот, – я тебя отведу на участок. Идём со мной, Миша.

– Угу, – как-то неловко отозвался парень и зашагал из приёмной вслед за мастером.

Они подошли к толстому, в синей спецовке, с лукавым лицом мужчине.

– Вот, Миша, твоё рабочее место, с ним ты и будешь трудиться, – показав на пожилого термиста, сказал мастер. – Его зовут Мифодий Иванович. В общем, познакомись сам, и сейчас пойдём со мной, расскажу, где что делается в работе... – и начал: – Вот тут печь хлорид бариевая, которая работает при высокой температуре и в ней нагревают детали только под инструмент, а вот эти две ванны низкой температуры, в них мы делаем...

Парень, слушая мастера, кое-что записывал себе в маленький блокнотик на всякий случай.

– А теперь, Миша, по технике безопасности, кажется, всё. Что будет не ясно, приходи ко мне, вместе разберёмся.

– Хорошо, товарищ мастер, приду, – ответил Солин и направился на участок к старому термисту.

– Ну, как мастер тебе всё рассказал? – спросил пожилой термист, подошедшего новичка.

– Да, что касается работы на первых парах. А вы давно термистом трудитесь? – поинтересовался Солин у старика.

– Тридцать лет, – с достоинством ответил пожилой рабочий. – Мальчишкой пришёл сюда, вот с тех пор тут.

«Ну, у этого можно научиться как правильно калить детали. Очевидно, уже работает без технологии», – подумал Солин и спросил:

– У вас брак в работе бывает?

– Пока Бог минует, тружусь без него, – протирая очки, ответил пожилой термист, вопросительно уставившись на новичка. – А что ты спрашиваешь за брак, али боишься начинать работать, что ли? Тут у нас много бывает молодых, с училища да так. День-два-неделю побудут и убегают из нашего цеха.

– А куда и почему от вас молодые специалисты убегают? – с любопытством, поглядывая на старика, спросил Солин. – Мало зарабатывают, что ли?

– Да чёрт их знает, видать трудностей боятся от того и бегут, – ответил пожилой термист, поправляя фуражку, затем блуждающим взглядом посмотрел на новичка, спросил: – Ты к нам надолго или как?

– Думаю, остаться тут навсегда, – ответил парень.

– Ну-ну, давай пробуй силы, глядишь и термистом станешь, – тоном насмешки сказал старик и, сутулясь, припадая на правую ногу, направился к печке.

«Интересно, – смотря вслед пожилому термисту, думал парень. – Почему бегут из этого цеха молодые кадры? В чём причина? Работа не по душе, что ли? Или есть другой тормоз? Не может быть, чтобы все новички уходили из цеха... Вот, к примеру, я, – подбадривал себя парень. – Буду работать, не отступая перед трудностями, ведь это дело привычки... Да что это я так рано спохватился? Надо с ребятами поговорить, посмотреть, поработать...».

Весь день Солин находился у печей и смотрел, как заводская молодёжь калит различные детали и инструмент. Ему очень хотелось калить самому, но, увы, ученикам пока ничего не доверяли.

Прошли три дня, Солин был знаком не только с ребятами своей бригады, но и с рабочими других смен. Парни чуть постарше его подбадривали:

– Не волнуйся, ещё успеешь, поработаешь, сейчас пока присматривайся, а когда всё схватишь, тогда и работать легче.

– Это да, – не отрицал Солин, – но и работать уже самое время начинать.

– Ничего, Миша, не расстраивайся, завтра начнёшь работать самостоятельно, – сказал мастер и что-то записал себе в блокнот.

Слова наставника взволновали душу Солина, он шагал после смены домой и думал: «Завтра мой первый день трудовой деятельности, как хорошо, что мне доверяют работу термиста».

Перебирая в мыслях прошедшие дни, встречи, разговоры с рабочими, Солин строил планы на

будущее. Он хотел наладить работу в цеху, чтобы потом пойти учиться в техникум или в институт.

Ночь прошла в небывалом томлении, Миша Солин ждал с нетерпением рассвета, чтобы встать и прийти на завод, начать работу. Он несколько раз поднимался с постели, смотрел на будильник, не проспал ли?

А на утро, сделав физзарядку и торопливо позавтракав, Солин выбежал на улицу и не поехал на троллейбусе, как другие рабочие едут из-за одной остановки, а твёрдо решил для себя, что на завод и с завода он будет ходить только пешком.

Обгоняя других рабочих, он пришёл в цех и увидел своего мастера, который расписывал работу на день. Увидев парня, мастер приветливо подал ему руку и сказал:

– Сегодня ты будишь самостоятельно выполнять работу. Как готов?

– Так точно, готов! – по-военному ответил парень и стал по команде смирно.

– Вольно! – скомандовал мастер, и оба рассмеялись.

– Товарищ мастер, разрешите узнать, какая у меня сегодня будет работа?

– Детали для ширпотреба калить будете. Возьми технологию почитай и бери уже продукцию, приступай к работе. Калить будешь не торопясь. Спрашивай старых рабочих, они помогут. Освобожусь чуть позже, подойду к тебе. Понял?

– Понял, товарищ мастер, – с приподнятым настроением сказал Солин и, забрав детали, пошёл на участок.

Увидев старого термиста, подошёл к нему. Поздоровавшись, назвав его по имени-отчеству, парень обратился:

– Скажите, пожалуйста, после прогрева, сколько надо держать деталь в воде, а затем бросать в масло?

Старик нехотя улыбнулся и, взглянув на парня, ответил:

– Надо читать технологию, товарищ, там всё сказано.

– Я читал технологию, там написано всё, но мне хочется услышать от вас. Сколько вы практически держите детали в воде перед погружением в масло?

– Знаешь, Солин, – старик начал увиливать от прямого вопроса. – Мы калим детали на глаз, это не будет являться нарушением технологического процесса. Ну, а если тебе нужна точность, спроси у мастера, можно так делать или нет, – ответил старик и направился в приёмную.

– Это что же получается, товарищ мастер, – начал старик, – не научили парня трудиться и уже даёте ему работу не соответствующую его разряду. Ему сейчас надо дать самое простое, а вы ему

Рисунок Анастасии Мышевой

третий разряд суёте. Не сделает он, запрет детали, – возмущался старый термист.

– Мифодий Иванович, – перебил термиста мастер, – вы знаете все работы. Я вас очень прошу, помогите человеку, подскажите, если что-то не так.

Старик помолчал, почёсывая бороду, потом спросил:

– Сколько стоит одна деталь и сколько стоит её закалить?

– Не помню, кажется за всё сорок рублей, – ответил мастер и вопросительно посмотрел на старого термиста.

«Так вот о чём ты беспокоишься... о своём заработке!..» – подумал мастер, не сводя взгляда с пожилого человека.

– Та-а-а-к, – протянул термист, – значит, стали забывать про нас, стариков. – Ну, что ж, пожалуйста, – пробормотал он и забрав матрицу, вышел из приёмной.

На участке старик подошёл к Солину, который укладывал детали на противень в два слоя и посмотрев на его работу, молча отошёл к соседней печке.

– Ну, как, бать? Правильно я укладываю детали или нет? – спросил у пожилого термиста парень.

– Делай-делай, – отозвался тот, не поворачивая головы.

– Мишка, стой, ты что творишь? – спросил новичка вдруг подошедший тридцатидвухлетний термист, с добрыми глазами и чистой совестью, готовый всегда оказать помощь товарищу.

– Укладываю детали, а что? – настороженно спросил новичок у подошедшего.

– Так ведь детали надо класть в один слой, а ты в два делаешь. Что старик не сказал тебе об этом? Если увидят контролёры, они напишут отклонение.

– Нет... Ни-ни-чего не говорил, – растерянно ответил Солин, выпрямляясь.

– Надо в один слой класть, чтобы не было поводки.

– Хорошо-хорошо, – отозвался парень и принялся раскладывать детали...

– Вот видишь, товарищ мастер, такую работу дали, а он укладывает детали в два слоя, испортит всё, а детали дорого стоят.

– А тебе что, старику, – отозвался мастер, – подсказать нельзя, опять жалуешься мне?

– Да ведь детали-то какие дорогие, а вы новичку их сунули, а он их запрет, вот увидите, запрет! Мне их надо было дать! – назойливо набивался старый термист.

Мастер не дружелюбно посмотрел на термиста, сказав:

– Помоги, покажи с ним, подскажи в какую печку загружать детали на отпуск, да смотри, чтоб температура соответствовала.

– Ладно, – бросил старик и не торопливо зашагал на участок.

«Я ему сделаю, – думал старый термист, подходя к печке, – что завтра сам убежит из цеха».

– Бать, детали прогрелись, время вышло, помогите закалить, вернее откройте шибер, я сам закалю.

– Хорошо, – буркнул тот, не глядя на новичка.

Взяв клещи, Солин подхватил одну деталь и погрузил её в воду и, подержав в воде 50 секунд, вынес. И у парня ёкнуло сердце, деталь треснула. Бросив её в масло, он подхватил следующую, не обращая внимания на пожилого термиста, погрузил её в воду и, продержав минуту, снова вынес. У детали отскочил конец.

– В чём дело, почему не получается? – спросил Солин старика, хватая из печки уже следующую деталь.

– Всё делаешь правильно, не знаю в чём дело, – ответил старик, ухмыльнувшись.

Солин закрыл шибер и оставил детали в печке.

– Пойду, скажу мастеру, почему у меня не получается.

Старик промолчал. Парень бросил клещи и направился в приёмную, но в это время ему навстречу уже шёл мастер.

– Товарищ мастер, я запарол три детали и не могу понять, почему они лопаются.

– А-ну идём к печке... Слушай, старина, в чём дело, почему у парня не получается с закалкой? – обратился он к старому термисту.

– Не знаю, товарищ мастер, – недружелюбно ответил пожилой термист, – делает всё по технологии.

– Так в чём же причина? – добивался мастер, надеясь из старого термиста вытянуть правду.

Старик только развёл руками и саркастически улыбнувшись, ответил:

– Видать, у парня опыта нет.

– Это верно, – согласился наставник, – но ведь у тебя, старика, опыта на десятерых хватит, вот и надо было подсказать, как детали калить.

– А-а-а, – бросил пожилой термист, отмахиваясь рукой, – учить их долго, надо сразу. Всё не поймут.

– А ты, старина, вспомни каким ты пришёл сюда, калить боялся, клещи держать не умел, научили, показали. Так и он, сразу ничему не научится, – сказал мастер и подумал: «Наверное, парень детали долго держит в воде потому и лопаются».

– Слушай, Миша, там ещё есть детали на стеллаже. Неси их сюда. Сейчас вместе попробуем калить.

Солин мигом смотался в приёмную, принеся продукцию, сказал:

– Я, товарищ мастер, просто боюсь портить продукцию.

– А кто тебе сказал, что ты её собираешься портить? – спросил мастер, открывая шибер печи. – Грузи, пусть греются.

Парень загрузил и стал смотреть на стрелку прибора, как она поднимается.

– Как температура будет соответствующей, так будем отчитывать время выдержки.

– Хорошо, товарищ мастер! – отозвался Миша, опуская глаза.

– Ничего, не волнуйся, товарищ Солин, всё будет в порядке, – подбадривал молодого термиста мастер. – Когда будем калить, – продолжал он, – ты старайся долго не держать детали в воде. Ведь те полопались потому, что долго охлаждались.

– Да ведь я их, товарищ мастер, делал по технологии.

– Знаю, Миша, что ты делал по технологии, но технология технологией, а практика практикой, так что сейчас сам убедишься как их надо калить.

Солин виновато посмотрел на наставника и молча опустил глаза. Когда закончилась выдержка, мастер взял клещи и сам начал калить.

Первая деталь получилась хорошая, вторая, третья тоже и ни одна из них не лопнула.

– А-ну, на клещи, – сказал мастер Солину, подбадривая того, – а я открою шибер. Только смелее.

Солин ухватил раскалённую деталь и погрузил её в воду, подержал несколько секунд и перенёс в масло и так все. Детали не треснули, оказались хорошими.

– Так, вон, оно что! – радостно воскликнул парень. – Я понял, как надо их калить: погрузил в воду, провёл раз-два и перенёс в масло.

– Правильно, Миша, так и надо делать.

Парень рассмеялся, осматриваясь кругом.

Так, понемногу освоившись, Миша Солин стал трудиться в термическом цеху. Но работа иногда заставляла парня задумываться над разными ситуациями. В системе производства у термистов установили такой порядок: если смена заканчивала работу, то она должна была печи оставлять пустыми, не загруженными. За исключением низкой температуры, где детали, не успевшие пройти отпуск, передавали по смене, а следующая бригада в положенное время вытаскивала их из печи.

У Солина в этом деле получалось плохо, если ему приходилось оставлять детали в печке и передавать их кому-то по смене, то они всегда получались бракованными, слабыми или твёрдыми.

На производстве молодые рабочие стали поднимать вопрос: «Почему нельзя повниматель-

Рисунок Анастасии Мышевой

нее относится к деталям на отпуск, оставленным товарищами по работе других смен?». На что старый термист, Мифодий Иванович, отвечал молодым в присутствии начальства или на профсоюзном собрании:

– Вы ещё сопляки, чтобы выполнять сложные работы, вам надо потрудиться десятка полтора-два, а потом приступать к сложному труду.

И так рабочая молодёжь оставалась почти всегда не заднем фланге. Старых рабочих сильно поддерживала администрация, ставя в пример перед молодыми. Администрация советовала: «Учиться надо только у стариков, притом опытных».

А на заводе молодёжь добивалась всего сама. Некоторые рабочие, разумеется, самостоятельно постигали дела, а именно как надо правильно калить ту или другую деталь, куда опускать её, в воду или в масло, сколько и при какой температуре держать на отпуске, чтобы добиться нужной твёрдости?

Однажды ребята заметили, что у печи, в которой были посажены детали на отпуск, кто-то на приборе перевёл выше заданную температуру. Детали получились слабые, их вернули на доработку. Но чаще всего они были твёрдыми. Кто-то специально переводил стрелки на приборе, задавая температуру либо выше, либо ниже, тем самым мешал и тормозил сдачу готовой продукции. Заводская молодёжь стала следить, кто делает им такой вред.

И долго им ждать не пришлось. Как-то товарищи по работе Миши Солина шли с занятия (они учились в техникуме) и забежали по делам в цех. У приборов они увидели старика-термиста, который переводил стрелки на 500 градусов. Они тут же спросили его:

– Какие детали будут отпускаться при такой температуре?

Тот, улыбаясь, ответил:

– Я печь готовлю под свою продукцию.

Ребята решили посмотреть, нет ли других деталей в печке. Когда они открыли шибер, то кто-то из присутствующих узнал продукцию Солина и крикнул:

– Так ведь это детали Миши!

Молодёжь вместе с мастером сверила по документам, и действительно продукция была та, которую калил Миша Солин. Оказалось, что в процессе производства технология на отпуск деталей должна была проводиться по нормативам под 300 градусов, а печь подняли на 350 градусов.

Так разоблачили Иуду-старика, тормозившего сдачу готовой продукции своих товарищей.

Неверная жена

Цикл «Бродячие истории в народе»

Алексея Сороку я лично знал и даже 20 дней у него на квартире жил. Алексей был очень хорошим человеком, внимательным к людям. В 1957 году, в колхозе, я познакомился с ним впервые. В то время он трудился на разных работах и был у нас бригадиром лесопильщиков, в состав которых входил и я – рабочим, командированным с завода на время уборки урожая. Но так как мы прибыли раньше сроков в колхоз, и прежде, чем начать косить хлеб, наш труд использовали в других целях. Наша бригада во главе с Алексеем Сорокой возила из Черлака в колхоз шестиметровый круглый строевой лес, пилила его и т.д.

Рисунок Анастасии Мышевой

Жена Алексея, Мария Сорока, была миловидной, с весёлыми глазами женщиной. Она работала агрономом в этом же колхозе. Являлась членом КПСС. Вскоре агронома Марию Сороку выдвинули заместителем председателя колхоза, а через несколько месяцев она стала возглавлять его. А её муж, Алексей, так же продолжил трудиться на разных работах. Он был неплохим механизатором – работал на комбайне.

Казалось, что семейно они жили неплохо. Но вот жена стала меньше уделять внимания семье, стала поздно приходить домой, мало бывать с единственной дочерью.

– Слушай, Маша, мне всё это надоело. Я стал делать за тебя работу по дому. Давай не забывай про свои обязанности по хозяйству, – возмущённо говорил муж.

– Алёша, ты же видишь, что я занята, работы по горло, просто не успеваю, – отвечала жена, уезжая из дома, даже не собрав с кухонного стола, не перемыв посуду.

Она сама часто просила:

– Алёша, ну ты уж тут как-нибудь сам разберись, а если я рано приду с работы, то сделаю, что ещё надо будет.

Но Мария никогда рано не приходила, домой являлась не раньше часу ночи и стала вести, как ведут себя квартиранты: пришла, покушала, переночевала и снова в правление.

Некоторые рабочие стали поговаривать о том, что Алёшкина жена встречается с шофёром, который возит её по полям, но Алексей не особо верил людям, считал этот разговор враньём. А сам с собой рассуждал так: «Сейчас либо посевная, либо уборочная страда... Ей некогда заниматься любовными делами».

Однажды юноша-пастух, приглядывавший за коровами, погнался за одной тёлкой, чтобы та не попала в поле, на кукурузу, и тут же заметил, что в кустах высокой кукурузы стоит «ГАЗ 69», принадлежавший правлению колхоза. Когда пастух подошёл ближе, то увидел, как в машине целовались шофёр с председателем колхоза Марией Сорокой. Приметив юношу, женщина выпрыгнула из «Газика» и крикнула:

– Петров, а ну, топай сюда! Ты всё видел? – спросила Мария парня, застёгивая пуговицу кофточки.

– Да, Мария Николаевна, видел, – глухо ответил пастух и виновато опустил голову.

– Вот что, Петров, – не повышая тона на юношу, начала Мария Николаевна, – если ты будешь молчать и об этом ни слова никому не скажешь, то ты будешь всегда хорошо зарабатывать, ну а если расскажешь... тогда пеняй на себя. Понял?

– Понял, – также глухо отозвался юноша, не поднимая глаз.

– Смотри, Петя, не вздумай шутить... – сказала Мария и, повернувшись, подошла к машине.

Шло время, а у Алексея жизнь текла по-старому. Он всё так же готовил еду, мыл полы, смотрел за хозяйством и дочерью, поздно встречал жену и рано провожал её на работу.

– Маша, ведь тебя совершенно не видит дочь, всегда спрашивает: «Когда мама будет дома?». А я ей отвечаю: «Скоро-скоро придёт мама», – грустно предупреждал Алексей, поглядывая на супругу.

– Алёша, я хочу с тобой поговорить. Ты знаешь, как мне всё это самой надоело и я хочу, чтобы ты меня правильно понял, – не выдержала жена и начала разговор первой.

Алексей поднял голову, насторожился, приготовился слушать.

– Я предлагаю, – начала Мария, – продать дом, хозяйство и уехать ко мне на родину, если ты, конечно, не возражаешь?

Муж задумался, закурил.

– Ведь, Алёша, у нас с тобой всегда так будет: ты дома, а я на работе, а вместе редко бываем. Я понимаю, – продолжила Мария, – тебе тяжело бросить свой дом, деревню, но и такая жизнь, как у нас, не пойдёт. Мы не живём, а существуем, а там найдём работу и будем проживать, как все живут.

Рисунок Анастасии Мышевой

Так, за разговорами, жена уговорила мужа продать корову, годовалого кабана, дом вместе с обстановкой. Настал день, когда они сели в машину и поехали в город на аэродром.

– Сейчас возьмём билеты на самолёт и к вечеру будем на моей родине, – убеждала Мария.

– Правда, мама? – спрашивала пятилетняя девочка, весело посматривая на родителей.

Взяв билеты только для себя и дочери, Мария не сказала мужу о том, что на него она билет не приобрела, а Алексей, ничего не подозревая, продолжал разговаривать с ребёнком.

Вскоре объявили посадку на самолёт, Мария сунула один рубль мужу и сказала:

– На, сходи в буфет, возьми для дочери фруктовой воды.

Алексей взял деньги и помчался в буфет. Воспользовавшись удобным случаем, Мария взяла девочку за руку, сумку и прошла к очереди. Показав сотруднику аэродрома билеты только на себя и дочь, она ждала, чтобы пройти к самолёту. В это время, вернувшись, торопливо подошёл к воротам с бутылкой воды в руках муж Марии и стал кричать, чтобы его пропустили к семье.

– Но у вас нет билета, гражданин! Пустить не можем, – ответил сотрудник аэродрома.

– Да, вон, у той женщины мой билет, – показывая рукой на жену, сказал Алексей и крикнул: «Маша, покажи им мой билет!».

Жена коротко взглянула на Алексея и сделала вид, что ничего не слышит.

– Гражданка, кажется, к вам обращается, вон, тот гражданин, – подойдя к Марии, показывая на Алексея, сказал сотрудник аэродрома.

Женщина ещё раз обернулась, презрительно бросила взгляд на мужа, и, повышая тон, предупредила:

– Я вас прошу, товарищ, задержите этого человека, он до посадки в самолёт приставал ко мне и сейчас не даёт покоя.

Сотрудник аэродрома толком ничего не понял, пожал плечами и отошёл в сторону, наблюдая за тем, как девочка, поднимаясь по трапу, махнула ручонкой и крикнула:

– Полетим с нами, папа!

Но мать грубо подтолкнула её, и вмиг обе скрылись в самолёте.

– Сволочь! – выругался Алексей в ярости. – Все деньги с собой забрала, обманула, подлюка!

Из цикла «Через призму времени»

Продолжение. Начало в № 9

Мы с Костей подъехали к клубу, где размещался отдел кинофикации. Это была маленькая, просторная комнатка, которая находилась внутри помещения какого-то молодёжного клуба. С северной стороны у клуба был подделан коридор – обмазан глиной. А в некоторых местах от дождей глина отстала до самых брёвен. Потом мы зашли в самую комнату, где стояли два письменных стола, два шкафа, набитых бумагой и несколько стульев. На стенах висели фотокартины из фильмов прошлых лет.

За первым столом от входной двери, напротив окна, сидел бухгалтер отдела кинофикации – Андрей Герасимович Писарев. Он что-то бормотал вслух и подсчитывал. Мы поздоровались, а бухгалтер медленно, нехотя отвернулся от своей работы и сказал, рассматривая нас:

– А-а-а, рябцы! Я так и знал, что вы сегодня приедете за кинокартиной!

– Не приедете, а придёте, – ответил Костя.

Но Писарев, не обращая внимания на нас, снова что-то стал складывать на счётах. Мы сели на стулья без приглашения, в ожидании указаний.

За время ожидания, пока бухгалтер подводил какие-то рабочие итоги, я несколько раз обращался к Косте, чтобы тот узнал у Писарева: «Какая нам полагается по назначению картина?». Мне очень хотелось узнать: новая она или старая? Но Костя не торопился, он не перебивал бухгалтера, а терпел пока тот первый начнёт с нами разговор.

И действительно через небольшой промежуток времени Писарев обратился к нам с вопросом:

– Кассу привезли?

– Нет, – ответил Костя.

– Как же так, ребята, получается, ехали в район и не захватили с собой кассу! Ведь нельзя же так... – и он не договорил, его перебил Костя.

– А разве так можно? Мы всюду по селу развешили рекламу и ждём фильм, а он лежит в районе, что пришлось нам, – показал на меня, – вдвоём топтать за ним в Усть-Бузулук.

Бухгалтер Писарев продолжал:

– Это одно, а касса другое. Вы обязаны сдать её. Ясно?

Костя повторил, что нам всё ясно. Но в работе ступор был в одном: откуда у нас может быть касса, если кинокартины не поступают к нам, а если поступают, то через несколько дней и, то с опозданием?

«Мы ведь вас просили, мы ведь от вас требовали, чтобы вы равномерно продвигали кинокартины, а отсюда и план выполнения возьмётся... А вы в отделе ни черта за этим не следите, чтобы лучше обслуживать население, а жители требуют, чтобы мы их просьбу удовлетворяли. Требуют также, как другие крупные организации колхоза, чтобы им не реже двух раз в месяц показывали научно-популярные кинокартины, которые ценны в их работе», – и Костя замолчал, сел на стул.

Мы все замолчали, Писарев тоже что-то думал. Я за ним пристально наблюдал, как он обращается к нам, как он отвечает на наши вопросы, да и вообще я старался изучить его характер, нрав.

Бухгалтер Писарев был человеком среднего роста, с чистым полным лицом, с чуть насупленными бровями, из-под которых смотрели небольшие серые хмельные глаза. Сколько я его знал, они у него всегда были туманными. Если незнакомый человек увидит его впервые, то может счесть, что Писарев много работает. Когда я его увидел и ещё не знал про него ничего, то посчитал, что он сильно нуждается в отдыхе. Спустя время, он остался всё таким же, поэтому он меня часто и интересовывал своим поведением.

Если же посмотреть на его внешность, то она была опрятна. На Писареве всегда был костюм серого цвета, на шёлковой, белой рубашке висел галстук, ботинки начищены до блеска. Разговаривал он мягко, не торопливо, уверенно. Всё это выдавало в нём умного, успешного человека.

Но оказалось всё совсем наоборот. Он выполнял работу, как говорили все киномеханики, с холодком. У него было самое первое и любимое занятие – выпить. В последнее время Писарев окончательно испортил себя этими горькими напитками.

И мне вспомнился случай, который произошёл на киноустановке в селе Рябовка вовремя

демонстрации кинофильма. На тот момент со дня моего поступления в отдел кинофикации прошло уже полмесяца. Мой учитель – киномеханик Константин Иванович Иванов – ушёл в отпуск, вместо него к нам прислали нового человека – товарища Звонарёва, только что окончившего десятимесячную школу киномехаников. Он тоже не очень был знаком со своей работой, также как и мне, ему не хватало опыта.

Тогда я выполнял несколько обязанностей – считался помощником киномеханика и кассиром-мотористом: продавал билеты, пропускал в зал зрителей. Я же смотрел и за движком, чистил и смазывал аппаратуру, проверял и перематывал ленты. Работать на киноустановке мне было весело и интересно, а особенно тогда, когда приходили новые фильмы.

Однажды, 14 апреля 1952 года, к нам поступила новая кинокартина «Тарзан», первая серия. Мы стали готовиться к показу. Я перематывал кинокартину на большие бабины, а киномеханик, товарищ Звонарёв, продавал и впускал в зал зрителей. Поскольку у Звонарёва была слабость в характере, жалость к людям, он больше пропустил в зал зрителей без билетов, чем с билетами. И когда зрители уже сидели на своих местах, мне товарищ Звонарёв крикнул: «Вася, заводи движок!». Я быстро завёл аппаратуру и начался кинофильм. Вовремя демонстрации от переполненного зала народом, заслонялся головами объектив.

Рисунок Анастасии Мышевой

Я обратил на это внимание, подошёл к товарищу Звонарёву и спросил: «Сколько билетов было продано?». Он ответил, что восемьдесят. Билеты у нас были по цене 2 рубля 50 копеек. Я приблизительно подсчитал, сколько в зале зрителей, их насчитывалось более двухсот. Я обратил внимание на товарища Звонарёва, спросил: «Почему билетов продано столько, а зрителей насчитывается больше?». Звонарёв ко мне наклонился и произнёс: «Ну, и что, если больше. Пусть посмотрят новый кинофильм». И я его предупредил, что если зал будет переполнен, то может явиться ревизионная проверка. Но товарищ Звонарёв посмотрел на меня и со смехом добавил:

«Пусть проверяют, мы всё сделаем, что кругом будет очко».

На этом я успокоился и отошёл от аппаратуры. Я был бессилен, поскольку находился в подчинении киномеханика Звонарёва. Он был старшим, хотя по возрасту, оказалось, что моложе на целых пять лет. И мне пришлось подчиниться. С этими мыслями я сидел и думал, что людей только повадь ходить в кино бесплатно, тогда вообще какой, к чёрту, план, они в зал будут идти как к себе домой?

И вдруг к нам постучали. Я спросил у товарища Звонарёва разрешение открыть, хотя и знал, что вовремя демонстрации кинокартины входов и выходов не должно быть. Звонарёв кивнул головой в знак согласия. И я открыл дверь. В зал вошли наш бухгалтер Писарев, а за ним незнакомый, небольшого роста, в комбинезоне, с небритым, худощавым лицом, взбитой набекрень фуражкой человек. Это был шофёр, который работал на бортовом автомобиле «ГАЗ ММ» от нашей кинофикации. За ним среднего роста, полный, в коверкотовом пиджаке и хромовых сапогах, с круглым, чисто выбритым лицом и с чёрными, стеклянными глазами, аккуратно причёсанными волосами зашёл директор кинофикации – товарищ Александр Михайлович Сафронов. В руках у него был планшет. Гости поздоровались, и директор тут же спросил:

– Как идёт кинокартина? Нет ли каких дефектов в аппаратуре?

– Картина идёт хорошо, – ответил я. – А на счёт дефектов не знаю.

– Сколько билетов продано? – спросил директор кинофикации.

– Я назвал количество билетов и предполагаемую сумму за них.

Директор на меня посмотрел и предъявил претензии:

– У вас, дорогой товарищ, больше зрителей в зале, чем должно быть.

Я не успел ответить, как к нам быстро подошёл киномеханик, товарищ Звонарёв, и сразу обратился к директору с вопросом о том, что у него нет нагрузочной лампы. Сафронов посмотрел на него и сказал: «Лампа лампой, а вот почему у вас зрителей больше». Тогда Звонарёв отозвал товарища Сафронова в сторону и, предупредил меня, чтобы я посматривал за аппаратом.

Они долго разговаривали, потом закончился показ кинокартины. Звонарёв уже больше не подходил ко мне и ничего не спрашивал.

Опустел зал. Директор кинофикации со своим помощником вышли во двор. А товарищ Звонарёв подошёл ко мне и стал приглашать в гости на свою квартиру. Я спросил: «Зачем всё это?». А когда понял намёк, то решил уйти, но киномеханик меня остановил и сунул мне денег на литр «Мос-

ковской». За водкой я не пошёл. Я обратно предал купюры товарищу Звонарёву. Он взял их и сам отправился в вечерний магазин, находу мне крикнул: «Смотри, если уйдёшь, тогда...».

Я отправился бы домой, если бы ко мне не подошёл директор кинофикации. Он меня о многом расспрашивал и многим интересовался. На все его вопросы я охотно отвечал. И в конце нашего разговора он мне предложил: «Хочешь стать настоящим киномехаником? Отошлю учиться».

Вряд ли кто другой отказался бы от такого предложения. Особенно тогда, когда полюбишь свою работу и вдруг предоставляется шанс ехать учиться... Это, конечно, меня обрадовало...

Мы ещё не закончили с директором разговор, как подошёл, вернувшись из магазина, товарищ Звонарёв и снова предложил поехать на его квартиру. Мне неудобно было не поехать, когда сам директор кинофикации приглашал в гости к коллеге. Я решил сходить, чтобы как можно ближе узнать Сафронова, как человека, и, возможно, подчеркнуть для себя что-то новое в нём.

Оказалось, что квартира Звонарёва была квартирой Кости Иванова. Кости не было дома, он отбывал в Сталинград. Мы подъехали к избе, остановились. Звонарёв вышел, сходил в дом, чтобы предупредить хозяев о нашем визите, и вскоре снова вышел, позвал нас. Мы зашли в избу, Костина мать встретила нас почтительно и усадила всех к столу.

Мать Кости была в преклонных годах женщиной, с простой и чистой душой к людям. Она никогда и никого (ни старых, ни малых) не обижала, ко всем относилась трепетно. И сейчас она встретила нас приветливо. Её серые глаза смотрели на гостей спокойно, без лукавства, только слегка заметно было, как румянец выступил на лице. Ей было неудобно, чтобы плохо обслужить и угостить сотрудников киноотдела, где работал её сын. И она, подавая стаканы, сказала: «Вот только беда, что Костюши нет дома...».

Я подумал про себя: «Куда им, этим гостям, водки, когда они почти в дым хмельные?». Я сам не выпивал, лишь потому, что имел язву желудка.

Наполнили стаканы, произнесли тост, выпили за здоровье Кости. Потом директор кинофикации начал говорить о нём, что Костя у них первым киномехаником числится, и сожалел, что его не было дома. Потом обратился ко мне, переводя разговор: «Не подкачаешь, товарищ, если будешь трудиться киномехаником?». Я ответил, что ничего не знаю, и что сейчас тружусь в качестве кассира-моториста. А если буду трудиться киномехаником, так работа сама подскажет обо всём.

Дальше продолжалась пьянка. Гости слились в беспорядочном поведении: один пел, другой танцевал, третий, склонив голову, дремал. Поняв опьяневшее состояние всех этих людей, я поднялся и вышел из Костиного жилища во двор. Постояв немного, подумал обо всём и решил пойти домой. Вдруг вслед за мной вышел Звонарёв, заплетаясь и не выговаривая слова, стал тащить обратно. Я отказался и ответил ему прямо: «Ты так всегда будешь выполнять свой план, выпивая?». А он, посмотрев на меня, проговорил с усмешкой: «Чем плохо, что мы всех так одурачили водкой».

Я не вытерпел и что есть силы кулаком сунул ему в зубы. Он со всех ног полетел к воротам, несколько раз через себя перевернулся в воздухе и, раскинув руки, свалился на землю, оставшись лежать на ней, не шелохнувшись. И я направился домой. Когда проходил калитку, то обернулся посмотреть на Звонарёва и подумал: «Не убил ли я его?». Тогда я решил вернуться, поднять его на ноги. На ходу киномеханик что-то невнятное бормотал. Я завёл его в коридор и ушёл.

Рисунок Анастасии Мышевой

Дома размышлял над поведением своего коллеги и понял, что этот человек до того заразился спиртными напитками, как заражаются чахоткой, туберкулёзом, бруцеллёзом, что навсегда останется вечным пьяницей, как навсегда остаётся слепой без зренья.

Я много раз собирался о своих непутёвых коллегах и их поведении написать в газету, но не решался. Я обращался с этим вопросом к некоторым грамотным людям. Но они меня убеждали в том, что если я напишу про коллег, то может взъётся на меня весь отдел, и по неволе я могу потерять свой авторитет, потом сам, как изгой, уйду с работы...

Занятый своими мыслями, я не слышал разговора ни Кости, ни Писарева. Видать, я на бухгалтера произвёл страдальческое впечатление. Он сбил меня с мысли, спросив, как я живу дома. Я ответил, что живу неплохо. Тогда Писарев продолжил, мол, если ты живёшь дома неплохо, так почему ты такой невесёлый. Я ответил, что меня беспокоит язва желудка, вот почему я такой грустный...

Бухгалтер Писарев перебросился несколькими словами с Костей и добавил:

– Сейчас вы получите кинокартину и поедете домой.

– Какая кинокартина? – спросил я.

Писарев посмотрел с минуту на меня, как будто запоминая черты моего лица, проговорил:

– Картина хорошая. Новая. «Тигр-Акбар».

И мы, не дождавшись указов директора кинофикации, получили от бухгалтера два небольших, железных, похожих на чемоданы, ящика. В них и была новая, ещё неизвестная для нас картина «Тигр-Акбар». Мы вышли из отдела, радуясь, что получили новый кинофильм, и направились к повороту тракта за Усть-Бузулуком. Там всегда сновали машины и можно было уехать, если не в Рябовку, то доехать до того угольника, который был за семь километров от села.

Не доходя до этого поворота, нам навстречу с большой, ошеломляющей скоростью прошёл мотоцикл. Он яростно летел вперёд, с оглушительным рёвом мотора, виляя и прыгая на ухабах, по улице Сталинской. На нём сидели двое, без шапок, с оборванными в клочья рубашками, грязно запыленными боками. Когда пассажиры поравнялись с нами, я рассмотрел этих двух странных мотоциклистов. А Костя, узнавший в одном из них, сидевшего на заднем месте, директора кинофикации, крикнул: «Александр Михайлович!». Пассажиры не обратили на нас внимания. Он повторил: «Сафонов!». Но они были от нас уже далеко.

Когда пассажиры скрылись за поворотом, мы слышали голос старика. Его крик был немного хриловатым и резким. Старик бежал и кричал: «Держите этих чёртовых душ...». Мы не поняв обстановки, смотрели то на приближавшегося к нам старика, то в ту сторону, где только что скрылся мотоцикл. Старик в ярости миновал нас, продолжая бежать по улице Сталинской и вопить: «Держите их! Держите их!».

Не поняв в чём дело, мы дальше направились к повороту. На улице уже много скопилось народу, и все спрашивали друг у друга: «В чём дело? Что случилось?». Подойдя, мы услышали разговор людей. Они беседовали о том, что мотоцикл вывернул откуда-то с крайней улицы Усть-Бузулука и, виляя, мчался с бешеной скоростью, по пути с ног сбил женщину, которая шла по дороге, что сами пассажиры при столкновении искусно перевернулись через мотоцикл, сели обратно на него и бросили беднягу на дороге, уехав. Директора кинофикации узнали многие, хотя он и скрылся, не оказав пострадавшей никакой помощи.

Когда мы узнали из разговоров обо всём случившемся, нам стало так неприятно за своего директора, как бывает неприятно, когда холодная

капля воды попадает за шиворот и расползается по телу. Нам кто-то крикнул из толпы: «Эй, киномеханики, и вы так будете делать, как поступает ваш директор?».

На этот вопрос мы ничего не ответили. Мы не вмешивались в разговор с людьми, которые всё ещё обсуждали это событие. Мы с Костей были заняты своими мыслями, беспокоившими нас, а в частности о том, как можно быстрее уехать в Рябовку до заката солнца.

Машину нам пришлось ждать не долго, хотя и не было никакой надежды уехать обратно домой. Солнце уже склонилось к закату, и к вечеру автомобили стали проходить реже. Вдруг по улице Сталинской показался автомобиль, блестя от солнца своими лобовыми стёклами. Это шёл «ГАЗ 51». Очевидно, он принадлежал Усть-Бузулукской автороте.

На повороте автомобиль встал. Шофёр высунил небритое, круглое, чёрное лицо с зачёсанными волосами, и спросил: «Куда кому надо?». Из толпы кто-то крикнул: «А вы куда едете?». Тот ответил, что направляется в зерносовхоз Роднички. Тогда я попросил водителя, чтобы он нас подбросил до хутора Верхняя Суховка. Шофёр одобрительно разрешил сесть нам в кузов. Мы заняли места, кто на чём мог, автомобиль тронулся. Я присел около кабины с левой стороны.

Дорогой я следил за всеми действиями шофёра, как искусно и привычно он работал, всё выполнял. Мне это очень симпатизировало, а особенно мне нравилось слышать чёткость мотора, работающего мягко. Я решил немедленно начать изучать автомобильное дело, шофёрскую профессию.

Доехав до хутора Верхняя Суховка, мы сошли с машины, поблагодарив водителя, отправились на свой грейдер. На нём мы не стали ждать машин, а сразу направились пешком, рассчитывая на то, что какой-нибудь грузовик догонит нас, подбросит хотя бы до Калачевского грейдера. Мы ускорили шаги, так как солнце уклонялось всё ниже к закату.

Дорогой мы ни о чём не разговаривали, шли молча. И все добрых семь километров прошли пешком. На плечах уже заметно чувствовалась тяжёлая ноша. До Рябовки оставалось уже немного, всего лишь пять километров. И мы решили передохнуть.

Вовремя отдыха, Костя, как и я, ни на что не жаловался, о чём-то думал, потом медленно запел песню:

*«На далёком, холодном Амуре,
Где бушуют снега,
Где Алтайские знатные годы,
Там шофёрская жизнь нелегка.*

Рисунок Анастасии Мышевой

*Чуйским трактом от Монгольской границы,
Много ездила там шоферов,
Но был самый отважный там шофер,
Звали Коля его Снегирёв».*

Я сидел на железном ящике и слушал песню, которую пел Костя. Я старался запомнить её слова и мотив. Мне песня понравилась, и я уже представлял себя шофёром, своё место работы и свою любимую девушку.

Когда Костя закончил петь, я попросил его записать слова этой песни на бумагу. Костя обещал это сделать, добавляя: «Что хочешь стать шофёром?». Я не успел ничего ответить, как он продолжил: «Да, это неплохое дело. Ты бы мог работать в отделе кинофикации и

не ходил бы пешком, не таскал бы на себе эти ящики 7-9 километров, – указывая на них. – Ты бы их возил. Если у тебя есть к этому стремление, – продолжал Костя, – ты обязательно можешь стать шофёром. А у тебя есть способности, чтобы вертеть гаечки того или иного аппарата, также и «вертеть» мотор научишься. Если бы я был командиром роты или директором МТС, я бы обязательно послал бы тебя учиться на шофёра. Только ты не один такой, таких много, но они не заметны. Они живут только мечтами, не осуществляя их на деле. Их считают ещё молодыми и к некоторым работам совсем не допускают».

Костя, помолчав, будто собираясь с мыслями, добавил: «Подумай над этим». У меня в голове тоже стоял этот вопрос: «Учится на шофёра, но как и где?».

И я тут же попросил дружеского совета у Кости. Он, немного подумав, ответил:

– Правильно ты говоришь. Учиться, конечно, нелегко, но, однако, можно. Хотя бы, к примеру, заочно.

Я посмотрел на него, и добавил:

– Знаю, что трудно, но люди учатся и очень много. В техникумах, институтах и по несколько лет, а на курсах шоферов всего три месяца.

– Ты только начни, а там видно будет! Наши шофера тебе помогут. А если заочно не хочешь, то ты можешь сходить к директору МТС – товарищу Аксёнову – или в автороту в Усть-Бузулук и узнать, не посылают ли они очно на курсы водителей.

Тогда я решил сходить и узнать в МТС или в автороте о приёме учащихся на курсы водителей.

Отдохнув немного, мы поднялись и пошли дальше. Вдруг, по дороге, не дойдя Рябовского Маяка, нас нагнал горячевоз из транспортной бригады. Мы увидели, что на нём, на лошадях, с бочками, ехал Илья Васильев в рябовскую МТС, получать горячее. Мы его остановили и попросили подвести

до села. Илья, знавший нас как киномехаников, с удовольствием согласился подбросить. Мы уложили ящики с кинокартиной на дроги и присели на них. Лошади тронулись рысцой.

Илья был небольшого роста, худощавый, с небритым лицом молодым человеком. Он любил пошутить, посмеяться. В бригаде был заводилой, пел всякие песни. По дороге Илья нас спросил: «Значит, сегодня будете крутить ленты?». Костя попросил его не говорить слово «крутить», а выражаться правильно: «показывать кинофильм». Илья ничего не сказал, посмотрел на нас и добавил со смехом: «Хоть бы раз посмотреть, как вы это делаете».

Рисунок Анастасии Мышевой

Вдруг неожиданно добрые, сытые лошади, запряжённые в упряжку, бешено поскакали с вершины горы Рябовского Маяка. Илья растерянно натянул вожжи, но было поздно, лошади уже набрали инерцию. Он всё сильнее кричал: «Тпру», но кобылы не могли остановиться, чтобы перейти на шаг. Доскакав до половины горы, у дрогов с оси соскочило переднее колесо, и мы с такого быстрого спуска вместе с бочками и ящиками, переворачиваясь с бока на бок, покатались под гору...

Мы поднялись с земли, ощупывая себя и отряхиваясь от пыли, направились к дрогам, где стоял, широко расставив ноги, Илья, задерживая за вожжи скакунов. Он чертыхался на чём стоит белый свет. Успокоив лошадей, мы стали собирать свои вещи. После этого полёта у нас колесо и бочки укатились до самых первых дворов села Рябовки, а наши ящики, падая, раскрылись и, вылетели из них бабины, на которых были смотаны ленты. Катясь под гору, они размотались почти все.

Костя, падая, сильно ушибся о землю и от злости набросился на Илью: «Почему лошадей не держал, ты же видел, что мы с горы стали спускаться, или ты хотел посмотреть, как мы будем ленты крутить?!».

Илья, волнуясь, проговорил Косте: «Ты что кричишь? Меня ведь самого чуть не затоптали лошади. Тут теперь не до лент, у меня, вон, бочки, – показывая на них, – наверное, полопались, горячее не во что будет заливать, а ты со своими лентами». И Илья продолжал бормотать: «Если бы я вас не взял, этого бы у меня не случилось. Это я с вами заболтался...».

И Илья, возмущаясь, пошёл за колесом. В их ссору я не ввязывался, а мотал, прочищая от земли ленты, начиная с первой, по порядку. Ко мне подошёл Костя и ещё, не успокоившись, заговорил:

– Чёрт нас дернул с ним поехать, с этим весельчаком...

И сам приступил к разбору лент. Пока мы разобрали и смотали один ящик лент, солнце уже скрылось за горы, но воздух оставался всё таким же, как и днём, горячим. В селе весь день был жарким. На небе не было ни одного облака, и солнце днём палило так, что от обуви прилипали подошвы.

Со стороны Рябовки до нас доносились чьи-то голоса, смех и песни. Это пели девушки около клуба, уже ожидавшие нас с кинокартиной. Видя, что мы не успеваем смотать ленты, Костя мне предложил пойти в клуб с ящиком, который был уже смотан (там была первая часть картины) и начать продавать билеты, а если окажется, что он не успеет прийти к началу сеанса, так начинать показ без него. И Костя остался сматывать вторую половину картины, а я отправился с ящиком за плечами в клуб.

Я ещё подходил к зданию, как меня заметила молодёжь, и из толпы стали кричать несколько голосов: «Передвижка идёт! Передвижка идёт!». И все присутствующие с улицы постепенно стали перемещаться вглубь помещения. Я зашёл в клуб, меня встретила остальная молодёжь с криком: «Ура!».

Многие спрашивали: «Какая картина?», «Куда пропал Костя?». Я объяснил всем, что у меня новый кинофильм «Тигр-Акбар», а Костя задерживается. И приступил к проверке киноаппаратуры. Этим временем молодые организовали танцы под гармошку. У всех были весёлые, счастливые лица, они надеялись на то, что сегодня, в субботу, посмотрят новый кинофильм.

Проверив аппаратуру и двигатель, я приступил к продаже билетов. Зрители, очень дружно их покупали, проходили в зал, занимали места. Продав пачку квитанций, ровно в двадцать один час 30 минут по указанному времени в рекламе, я начал фильм. А у самого болела душа о том, что вряд ли Костя успеет смотать ленты и прийти в клуб, пока я кончу показывать первую половину кинокартины.

Я подозвал к себе одного нашего киноорганизатора – Михаила Ильича Зоткина, – и попросил его, чтобы он сходил на Рябовский Маяк к Косте, помог быстрее смотать ленты. Михаил согласился и пошёл туда. Михаил Зоткин был человеком среднего роста, с полным, круглым лицом, с серыми, понимающими глазами. Он работал трактористом в колхозе и киноорганизатором, был примером у комсомольцев.

Я показывал кинофильм, оставалась только одна часть, а коллег всё не было. Я стал беспокоиться сильнее и чаще посматривать в окошко, на дорогу, в надежде увидеть их, но Кости и Михаил

ла ещё не было. Я зарядил в аппарат последнюю ленту. Стал нервничать, выходить из себя и уже придумал слова, которые придётся сказать людям, если получится небольшая заминка. И, возможно, я так смогу потянуть время. Зрители отвлекутся, и потом подойдёт Костя с Мишей.

Оставались последние метры кинокартины, и я уже было собрался объявить зрителям о поломке, как вдруг запыхавшийся вбежал ко мне Михаил, держа в руках следующие три бабины, на которых было смотано продолжение фильма. Я взял бабины, разобрал их по порядку и приготовил к зарядке в аппарат. Миша стоял молча, наблюдал за мной. Я спросил: «Костя скоро закончит свою работу на горе?». Михаил ответил, что у него осталась только одна часть, а те, которые были, мне он уже принёс. Я для контроля снова обратился к нему, а тот скомандовал мне: «Бегом марш!», чтобы не задерживать показ.

Ещё не закончились принесённые Мишей части фильма, как в киноподку зашёл Костя, держа в руках железный ящик с остальными частями кинокартины. Он подошёл ко мне и спросил: мол, не стоял ли я в ожидании частей? Я ответил, что нет, на исходе была последняя часть, но Михаил успел, всё принёс вовремя. Костя меня поцеловал и проговорил убеждённо: «Вот как хорошо получилось, что не подвели».

На следующее утро мы снова встретились, разговаривали о работе, наших планах, а больше всего нам доставляла беспокойство доставка самих кинокартин. Мы долго обсуждали и смеялись о прошедшем событии, об Илье, вовремя не остановившего лошадей. На другой день мы отправились по хуторам с кинокартиной «Щит Джургая».

Именно с этой кинокартиной мы объехали ряд хуторов и сёл, в которых очень редко бывало что-то. Но наше путешествие было нелёгким, с титаническим трудом нам приходилось добираться из села в хутор или из хутора в село, таская на себе всё, что принадлежало к киноаппаратуре.

Все свои вещи мы таскали на плечах, не считаясь с трудностями. Летом ходили пешком, а зимой брали несколько пар лыж, связывали их вместе, ставили на них свой движок, а по концам – аппаратуру и так везли вдвоём. Приходилось блудить и в пургу, но в снег нас не заносило.

План мы всё же выполняли, а иногда даже и перевыполняли. За это, конечно, получали премии. И так я работал с Костей, мирясь со всеми трудностями, побеждая их. Но долго трудиться мне не пришлось со своим учителем – Константином Ивановичем Ивановым – видать, суждено нам было расстаться. Его ждал свой жизненный путь, а меня – свой.

Прошло лето, наступила осень 1952 года, я усиленно готовился к сдаче нормативов у киномехаников. Хотя всему учиться приходилось только у Кости. Я уже многое понимал, сам ремонтировал неполадки, которые возникали в процессе работы.

Однажды после подготовки к экзаменам, я шёл домой мимо вечернего магазина и увидел, что там висело объявление. В нём говорилось, что Усть-Бузулукская авторота проводит набор курсантов на профессию шоферов третьего класса.

Я, прочитав объявление, не знал, что мне делать. Мне так хотелось поехать учиться на шофёра, это как хочется курящему через большой промежуток времени взять папиросу. Но мне не хотелось бросать то, чему я уже научился. Мне было жаль Костю потому, что он не считался со временем, обстановкой, которая частенько вставала перед нами. Он меня усердно учил. И теперь предстояло забыть обо всех трудах Кости, который так старался, чтобы я был киномехаником.

Ведь Костя, не покладая рук, делал всё для меня, давал свои ценные советы, передавал опыт. И я стоял, размышляя, как правильно поступить: либо ехать учиться на шофёра, либо идти сдавать экзамен на киномеханика. Всецело занятый этими мыслями я вернулся к Косте за советом и он мне посоветовал учиться на шофёра. Я его решение принял и на другой день отправился в Усть-Бузулукскую в автороту.

Прибыв в автороту, я увидел множество автомобилей, которые были одной марки «ГАЗ 51». Они стояли ровными рядами на линейке. Некоторые шофера делали круги по территории парка, проверяя машины, очевидно, готовясь в рейсы.

Контора была расположена на окраине Усть-Бузулука, на ровном месте, огороженном частоколом. От въезда в парк, по правую сторону, стояли гараж, склад, кузня, вулканизаторка. С левой стороны располагался бензосклад. От входа, в переднем углу, стояло большое, круглое, с голубой крышей и большими окнами здание. В этом здании разместилась вся контора автороты. На воротах развевался огромный красный флаг, а ниже флага был прикреплён лозунг, на алом полотнище которого было написано: «Добро пожаловать».

Я поднялся на порожки и заглянул в коридор, опасаясь того, что меня могут погнать со двора автороты. Коридор оказался небольшим, справа находилась дверь, на ней был прикреплён жестяной лист, а на нём красовалась надпись: «Командир автороты». В конце коридора находилась другая дверь, на ней было написано: «Бухгалтерия», а слева – «Диспетчерская».

Рисунок Анастасии Мышевой

Я подошёл к дверям командира автороты и, не решаясь их открыть, прислушался. В это время кого-то из пришедших курсантов тот спрашивал: «Фамилия?». Курсант отвечал, что его фамилия Кузмин. Командир продолжал, очевидно, окончив запись фамилий на Кузмине: «Так вот, товарищи, вы должны явиться 25 сентября 1952 года к нам, на сборный пункт, в автороту. При себе иметь следующие документы...», – и командир перечислил, какие надо принести документы.

Я постучал в дверь, мне разрешили войти. Кабинет командира был небольшим, с чисто выбеленными стенами, огромными окнами, на которых висели из красного варакана занавески. Слева стоял диван, обтянутый красно-коричневым дерматином, а вокруг находились с мягкими сидениями, покрашенные жёлтой краской, стулья. На стенах висели портреты многих руководителей социалистической партии: Ленина, Сталина, Маленкова, Булганина, Молотова, Хрущёва, Ворошилова и др. Посреди комнаты стоял покрытый красной скатертью стол. На нём с одного конца были аккуратно сложены какие-то папки бумаг. Рядом стоял стакан, в котором разместились разноцветные, заточенные карандаши. Они напоминали веер. С другого конца лежало стекло, под которым были различные бумаги, заявления, шпаргалки.

За этим столом сидел человек 40-45 лет, худощавый, высокий, с продолговатым, чисто выбритым, смуглым лицом и аккуратно зачёсанными русыми волосами и с чуть насупленными бровями, из-под которых серьёзно смотрели серые, умные глаза. На нём была одета белая, шёлковая рубашка, которая сильно подходила ему. Это и был командир автороты – Николай Иванович Денисов.

Поздоровавшись, я объяснил, что прибыл по объявлению, которое висело на дверях магазина в селе Рябовка. Николай Иванович спросил мою фамилию, я охотно ответил. Он записал её в свою тетрадь, в ней уже было записано множество других

фамилий. Потом Николай Иванович спросил про моё образование, где тружусь и имел ли я опыт труда на каких-либо машинах, работающих на моторе. Я ответил, что образование у меня семь классов, а тружусь в отделе кинофикации в качестве кассира-моториста.

Николай Иванович взял трубку и позвонил в отдел кинофикации, ему ответил бухгалтер Писарев. Он попросил того ответить на один вопрос, мол, тружусь ли я в отделе кинофикации? Писарев ответил, что работаю. Николай Иванович положил трубку и, обращаясь ко мне, сказал, что меня зачисляют на курсы шоферов, но мне нужно пройти комиссию, сняться с работы и с учёта по месту жительства, прибыть 25 сентября 1952 года к десяти часам утра в автороту.

Я вышел из кабинета командира вместе с другими курсантами и направился в поликлинику для прохождения медкомиссии. Получив документ о своём состоянии здоровья, я начал хлопотать о расчёте зарплаты и о последующем снятии с учёта. Сделав все свои дела, я уехал домой, в ожидании запланированного числа.

Проводя время в Рябовке, мы с Костей встречались каждый день, обсуждали мою поездку и учёбу. Говорили о многом, а в основном о том, что нужно держать связь письмами. Я видел, что Костя не хотел, чтобы я уезжал учиться. Он хотел, чтобы я остался с ним и работал в отделе кинофикации. И действительно жаль было расставаться с таким простым, отзывчивым товарищем, хорошим учителем. Костя наказывал мне, чтобы я не забывал о нём, чаще писал ему письма. Я пообещал, что буду писать.

Рисунок Анастасии Мышевой

Наступило 25 сентября 1952 года. Этот день запечатлелся у меня в памяти лишь потому, что был каким-то пасмурным, ветрено-холодным. Лохматые облака низко неслись над землёй, и лишь изредка мелькало голубое небо. Даже из людей мало кого можно было увидеть на улице, все были в своих избах. Такой пасмурной, ветреной, но без дождей погодой, казалось, сама Рябовка печально провожала меня.

Ожидая служебную машину, которая должна была заехать за мной, я укладывал вещи в чемоданы. Около меня хлопотала мать-старушка. Она заботливо всё готовила и совала мне, приговаривая: «Дома нисколько не живёшь! До 1951 года ты жил в Сталинграде. Мы мало видели тебя... Приехал домой. Поступил на работу, а она такая, что опять дома мало бываешь и вот – на тебе! – опять уезжаешь учиться, а выучишься, ты опять дома не будешь жить».

Я молчал, но думал над причитаниями матери. И действительно из семьи я уехал очень рано, в шестнадцать лет, до 1952 года работал в Сталинграде на таких работах, из-за которых мало бывал дома. Мне было жаль старушку, до глубины души трогали её слова. Да и сам я понимал, что это не правильно, ведь мать выкормила, выучила, а потом вдруг уезжать с родины и жить где-то далеко.

Ей было обидно, мать не хотела так жить, чтобы вовсе не видеть своих детей, даривших ей самую первую радость, особенно в её преклонных годах. Она хотела, чтобы мы жили все вместе или хотя бы рядом, чтобы мать нас видела каждый день у себя на глазах.

Причитая, старушка плакала. Я стал её успокаивать, дескать, закончу школу, приеду домой и буду работать в автороте. Но мать успокоить сразу было очень трудно. Я дал ей покой, и она успокоилась. Она мне наказывала: «Ты береги себя, учись лучше. Не хулигань! Будь с людьми как человек».

Выслушав указы матери, я вышел на улицу, посмотреть, не идёт ли машина. В дверях, на порогах, я столкнулся с ватагой своих товарищей, они пришли вместе с Костей проводить меня. Я пригласил их в комнату. Усадив всех, я достал из шкафа несколько бутылок белой «Московской» и наполнил стаканы.

Вмиг поднялся галдёж, все одновременно заговорили, от чего в комнате стало очень шумно. Подняли тост, все пили за моё здоровье, за мой отъезд. Но наша прощальная пьянка продолжалась недолго. Нас прервал автомобильный сигнал за окном. Я снова поспешно вышел на улицу, чтобы посмотреть, кто приехал за мной. В кабине автомобиля сидел уже знакомый шофёр – Семён Филимонович Ушаков, – увидев меня, он крикнул: «Эй, салага, давай быстрее, чего роешься? – и, рассмеявшись, добавил: – Ну-ну, не торопись, ещё успеем».

Я, поздоровавшись, пригласил его в комнату. Он смело зашёл, мои воркующие товарищи притихли, став разглядывать шофёра. Ушаков сказал ребятам: «Что смолкли? Продолжайте, не стесняйтесь. Я приехал проводить и увести отсюда одного из вас, а именно этого молодого сокола, – показывая на меня, – хватит ему здесь ленты крутить, – продолжал шофёр, – пусть лучше поучится».

И он устало опустил на стул, который ему поставили. Ребята оживились, чувствуя себя свободнее, стали засыпать вопросами водителя. «А мне можно поехать учиться?», – чуть ли не каждый спрашивал из присутствующих. «А почему вы только одного забираете?», «А куда ехать учиться?». И ещё много всяких вопросов было задано, на которые водитель Ушаков охотно отвечал.

Он, снова показывая на меня, сказал, что любому можно поехать учиться на шофёра, если есть желание и напомнил, что я сам съездил в автороту, оформил все документы и теперь поеду на учёбу. «Почему бы вам всем не поучиться? Вот я бы вас всех отвёз, а то приходится только одного. И вы думаете, что отвожу на большой срок... – продолжал Ушаков, – всего лишь на три месяца в Харьковскую область».

Рисунок Анастасии Мышевой

Семёна Ушакова перебили, поднося водку на подносе. Он посмотрел на стакан и на ребят, проговорил: «Нет, товарищи. Спасибо, если хотите я посижу с вами и поеду, а пить я не пью, больной». Но к нему пристали мои товарищи, мать, дескать, что это один стакан, выпейте, но Ушаков наотрез отказался.

Я, наблюдая за всем этим, думал: «Значит, шоферам пить нельзя или он действительно болен, что отказался от стакана водки». Мне показалось, что отказался он оттого, что пить нельзя во время работы, во избежание происшествий. Быстро закончив пьянку, мы вышли с чемоданами и тёплой, зимней одеждой к машине. Уложив вещи, я попрощался с ребятами, матерью и уехал из родного села Рябовка.

Дорогой в район водитель Ушаков мне много рассказывал об устройстве и устойчивости автомобиля «ГАЗ 51». Я слушал его внимательно, запоминая каждое слово, которое было для меня малознакомым, а также название той или иной детали. Шофёр ознакомил меня и с правилами уличного движения.

Я понимал, чтобы работать шофёром, надо знать не только это правило, устройство машины, но и чётко следить за ней, грамотно водить. Я сидел в кабине рядом с шофёром и уже представлял себя водителем, но только ничего не знающим по

автомобильному делу, как не знает зверь, что к нему подкрадывается охотник...

Водитель ехал и пел какую-то песню, но я его уже совершенно не слушал, я был занят своими мыслями, которые гнездились в моей голове и беспокоили о предстоящей учёбе, работе. И так, не заметно, мы въехали в ворота автороты. Там уже столпились курсанты, с ними я должен был поехать учиться.

Подойдя к ним, я поздоровался. Ребята, видя, что я тоже новичок, стали активно знакомиться. Одни говорили: «Как хорошо, что кругом будут свои», другие смеялись и подшучивали над товарищами: «Ты сухарей мало взял», «Ты плохо одет, замёрзнешь зимой как муха». С этими шутками я влился в их обстановку. Курсанты продолжали смеяться, обращаясь уже ко мне: «Ну, когда уезжал из дому, подруга приходила провожать? Или ты уехал, не предупредив её?». И я отшучивался, так же как они.

Вдруг кто-то из ребят заиграл в гармошку «Яблочко», остальные быстро освободили центр, сделали круг. Гармонист ещё назойливее стал играть с перебором. Низкого роста, какой-то чернявый парень, с выходом, отбивая в такт, вышел в центр. Танцую, он легко и быстро прошёл по кругу...

Продолжение следует

**Марина
Орлова***
Омск

Марина Васильевна Орлова родилась 18 декабря 1964 года в Омске.

Чёртов алмаз

Была тёмная, осенняя ночь. Какой-то человек в чёрном плаще шёл быстрым шагом к Невскому мосту. Он шёл довольно быстро, постоянно оглядываясь назад. Видимо, он боялся, что за ним следят. В руках у него был небольшой свёрток, который тот прижимал к своей груди. Человек по-

дошёл к мосту, было слышно, как шуршит вода в реке. Он остановился и начал ждать.

Вдруг он увидел высокую тень, которая двигалась по мосту. Незнакомец шёл прямо к нему. Человек в чёрном плаще понял, что это тот самый незнакомец, с которым сегодня утром он разговаривал по телефону. Они встретились на середине моста.

– Вы принесли то, что я просил? – тихо спросил незнакомец.

– Да, я принёс, – сказал человек в чёрном плаще. – Я хочу предупредить Вас, что за мной следят. Этот алмаз стоит больших денег. Возможно, за ним будут охотиться. Вашей жизни угрожает опасность.

Незнакомец и человек в чёрном плаще обменялись свёртками и разошлись в разные стороны. Через несколько минут незнакомец совсем исчез в темноте. Вдруг на мосту послышались чьи-то шаги, шум, раздались выстрелы. Потом всё стихло. Человек в чёрном плаще лежал на мосту. Он не дышал, его лицо было в крови. Он был мёртв.

– Мы опоздали, встреча уже состоялась, – раздражённо выкрикнул бандит в чёрной маске, он не скрывал своё недовольство. – Шеф оторвёт мне голову, если к утру мы не принесём ему этот чёртов алмаз. Я не хочу быть покойником. За мной, я знаю что делать!

В это время незнакомец ожидал свой поезд в здании железнодорожного вокзала. Он нервничал, так как знал, что опасность, о которой предупреждал его человек в чёрном плаще ходит где-то рядом. Когда толпа вооружённых бандитов ворвалась в здание железнодорожного вокзала, он сразу понял, что ищут именно его.

Пассажиры, увидев ворвавшихся вооружённых людей, подняли крик, начался переполох, беспорядочная стрельба. Незнакомец быстро растворился в толпе перепуганных пассажиров и побежал к товарному поезду, стоящему на пути. Он заметил, что для поезда горел зелёный семафор, через несколько минут поезд тронется. Незнакомец прыгнул на ходу в последний вагон и затаился.

Для него всё закончилось благополучно. Вагон мчался по железнодорожному пути, оставляя позади себя кучку бандитов, пытавшихся догнать поезд.

**Яна
Долинская**
Омск

Рыжая

Девчонка плакала, бесстыжей обозвали,
Мальчишки во дворе прохода не дают
За рыжий сноп волос. Злодеи хохотали.
И хохот обжигал как тонкий, гибкий прут.

Ласкали дома Рыжиком и Солнцем,
Ломали гребень в густоте волос.
Росла. Девчонку бывшую уродцем
Веснушчатым теперь не назовёшь.

Сердца разбиты. Взрослые мальчишки
Ловить готовы Рыжей каждый взгляд.
Опасны ведьмы, знаем мы из книжки,
Приворожат, смеясь, и иссушат.

Рисунок Анастасии Мышевой

Аллергия

В пластилиновый асфальт
Провалились каблуки,
От жары не убежать,
Душно даже у реки.

Тополиный пух метёт,
Кто их столько насадил?
Может дождичек прибьёт?
Лучше если бы пролил...

Пух касается лица,
Трогает, щекочет нос.
И кружится без конца,
Расчихалась я до... слёз.

Мне из дома выходить?
Аллергия – просто страх!
Как смогла сегодня я
Целоваться в тополях?

Гадание

Гадала в Рождество с подругами,
Тянули кольца из муки.
Кому-то золотое выпало,
Мне – зелень медная тоски.

Топили воск и лили в блюдечко,
Судьбу, пытаюсь, угадать.
Кому-то дом и конь, приданое,
Мне – пыль дорог своих глотать.

Раскладывали карты стопками,
О прошлом, будущем – не в масть.
Мне карты выпали пиковые –
Пустые хлопоты и страсть.

Про любовь

И рвали труп осатанело два чёрных пса,
Урча, вгрызались в мякоть тела. И полоса
Луны как скатерть... И весел пир...
И равнодушно-безразлично спит целый мир.
Хрустели кости под клыками, на пасти кровь,
Кормил с улыбкой доброй кто-то их за любовь.

Рисунок Анны Секериной

В концертном зале

Ни звезды, ни луны, всё сокрыли тяжёлые тучи,
Только ветер гудит, зазывая ночную грозу.
И природа притихла, грома отзвук её обеззвучил,
И зигзаг серебра прочертил в темноте полосу.

И взволновано травы что-то важное вдруг зашептали,
Встрепенулась листва, заскрипели со стоном стволы.
И упали аккордом тяжёлые, первые капли,
Дальше ритмы дождя,
дальше в ритмах спокойствия сны.

Александр Беспалый

Омск

Душевные переживания
Скрепляешь банкой «сгущёнки»,
Алкогольные возлияния
Мешают сексу с девчонкой.

В голове – воспоминания,
Что старался всё делать красиво,
Имея хоть капельку сострадания –
Жизнь ко мне несправедлива.

Пойду сейчас с моста спрыгну!
А чтобы наверняка, головой вниз.
Водки стакан налил. Срыгну –
На мгновение завис...

Поле, деревня, коровки пасутся,
По синему небу птички несутся.
Я на пеньке сижу и бухаю, –
Оп! – Опять в себя приезжаю.

Башка трещит, обос**ся случайно,
Лежу на полу. Язык изо рта,
Сердце колотит довольно отчаянно,
Стакан разбит. Бутылка пуста.

Ползу до окна, оно не закрыто,
Смотрю сверху вниз на людей свысока,
Через пару секунд мозгами залита
Недавно покрашенная у подъезда стена.

На асфальте лежит моё тело кривое,
Соседи сбежались, стоят, матерятся:
«Да что тут случилось с Олегом такое?
Допился, скотина, чему удивляться!».

... Поле, деревня, коровки пасутся,
По синему небу птички несутся.
Лежу я в траве и на небо смотрю,
Прощайте, соседи, теперь я в раю...

«Х** тебе в рай! Это ад!», –
Говорит мне чей-то грубый голос.
Тебя я здесь приветствовать рад,
И задрожал у меня на теле каждый волос.

Рисунок Евгения Вальса

Глаза зажмурил что есть силы,
Открыл, и вижу пред собой:
Сижу я за столом на дне рождения Нины,
Ласкаю её грудь своей рукой.

Дружбан мой лучший водку разливает
И говорит: «Давай за всё, браток!».
И тут я понял, что если забухаю,
То ждёт меня по новой в ад пинок!

Паденье из окна. Мозги на тротуаре,
Все мысли в голове как будто из г**на!
Со своей водкой, вы, б**дь, зае**ли.
Прощаюсь. Встаю из-за стола...

Денис Качуровский

Омск

Денис Викторович Качуровский – постоянный житель города Омска. За всю свою творческую тридцатидвухлетнюю жизнь не выезжал за пределы Омской области. Нигде не состоит, никуда не привлекался. Денис – человек без особой творческой ориентации, но с изысканным чувством юмора. Стихотворения начал писать с 2000-го года. Активный автор самодельных изданий. В 2016 году издал сборник стихотворений под названием «Пробиваясь на свет». Также Денис планирует издать прозаическую книжку «Японский городской» в жанре пасквиля. Подборка пародий с названием «Фривольные сны» на омских писателей и поэтов придётся по душе широкому кругу любителей современной отечественной литературы. Прочитав несколько произведений, написанных с иронией и сарказмом, читатель узнает омских пиитов или захочет познакомиться с их оригинальным творчеством.

Фривольные сны

«...Зачем лицемерно чужие прозренья лелеять? Я рос на асфальте, я – Маугли джунглей бетонных. Не грели мне душу весной соловьиные трели. Я млею от лая нахального автоклаксонов».

А. Бекишев.

«Мир, где слова оживают как птицы»,
г. Омск, 2013 год

Пародия на творчество

посвящается Омскому писателю-самоучке А. Бекишеву

К асфальту окурком ноги я врастаю,
В берёзовых рощах застряла другая,
В промежности ног всё повисло без толку,
Протезную челюсть положил на полку.
Корявыми пальцами тычу в небо,
На ощупь пробраться из душного sklepa
Квартиры комфортной, поближе к природе,
«Пегаса» хоть разик поймать на свободе.
Но мне докторишки сказали капризно:
«Запоры излечит чесночная клизма!».
Мне грелку суют и душе валидол,
Изящной словесности слышу глагол,
Натянуты нервы, как струны на лире,
Успеть бы на трон умаститься в сортире.
И править на троне как «Чёрный король»,
В сети виртуальной компьютерный тролль.
Зачем лицемерить, что музы отпели?
Талант пропивать в суматошной неделе,
Орать на прохожих отборнейшим матом,
Себя называя – непризнанный автор.
Бежать на свободу из джунглей бетонных,
Где лают машины из автоклаксонов,
Как Маугли дикий являя протест,
Безумство поступков вмещая в гротеск,
Шагнул широко на распутье дорог –
Одной ногой дома, другой в огород.
В промежности ног выпирает эрзац,
С намёком на мужество – полный абзац!

Звезда на сосне

стихотворение пародия на творчество В. Цоя

Сказала ты: «Идём ко сну»,
На Новый год украсив ель.
Просила ты: «Купи сосну!»,
Когда ложилась на постель.
Ответил я тебе: «Прости,
Какие странные слова!
Сосну из леса принести?
Не может быть! Ты не права!».
Любить тебя везде могу,
Дарю с бриллиантами кольцо,
Несу словесную пургу,
Целуй скорее мне лицо!
Устала милый, я сосну...
С тобой мы встретимся во сне,
Там жду «румяную Весну»,
Торча на вздыбленной сосне.

Ксения Орфеева «ВКонтакте»

Я не могла предугадать,
Что этот день последним будет,
Когда смогла бы я обнять
И не считаться с тем, что люди.

Ах, если б знала я, что будет
Последней самой эта встреча,
Я б руки Ваши целовала,
И с Вами провела бы вечер.
Как я ошиблась! как печально...
Я не увижу, не дотронусь...
Ведь встреча та была прощальной,
Как жаль, во мне была лишь скромность.
Я не хотела быть Вам близкой,
Но близкой всё же я была.
Казалось мне, что это низко,
Но каждый раз я Вас ждала.
Я не могла всё переделать,
Но думалось мне, что могла.
Я быть единственной хотела,
Но ею вовсе не была.
Я знала всё, но было страшно,
Что я без Вас не проживу,
Как будто жизнь без Вас опасна,
Как будто я без Вас умру.
Но вот теперь плитой могильной
Укрыт мой милый навсегда...
Я думала, что буду сильной,
Но вновь во сне его звала.

Спящая красавица

пародия на стихотворение К. Орфеевой,
опубликованное «ВКонтакте»

Недолго думала, гадала,
Что день грядущий принесёт?
Тогда смогла бы я с начала
Тот день прожить наоборот!
Ах, если б знала я, что людям
Нет повода следить за тем,
Как мы друг друга нежно любим,
Целуясь в губы без проблем.
Я б с вами вечер коротала,
В объятьях трепетно дрожа.
Нам точно было б места мало –
Я скромница, а не ханжа.
Расстанемся! Всё, до свиданья!
Как жаль во мне жила мечта,
Живу, как будто без сознания:
Упала с неба – жизнь пуста!
Казалось мне, вы были близко,
Ещё чуть-чуть и вот оно:
Слиянье тел в идеализме,
Познать нам чувства не дано!
Лизать я вам готова ноги,
Омыть слезами грязный пол,
Сижусь наивно жду в тревоге,
Куда же он один ушёл?
Что мне теперь с собой поделать?
В страданиях душу извела...
Пускать завистливые стрелы
С проклятием – стерва увела!
Одна не буду, точно знаю,
Мужчин полно, едрёна мать!

Невинная, почти святая –
 Во сне хочу его обнять!
 Казалось мне, что много значу
 Для вас и вижу кое-что...
 Придумала любовь и плачу,
 Но время страшное пришло.
 Лежу одна под одеялом,
 Душу в объятиях матрас,
 Приснилось мне, что вас не стало!
 Кричу во сне, прейдя в экстаз!
 Очнусь на миг от дрожи сильной,
 Во сне любовника звала,
 Но он почил в краю могильном,
 Наверно, со свету сжила.

Литературная камасутра

посвящается А. Козыреву

Не важно время суток, встанем мудро,
 От спячки продираются глаза.
 Гимнастика с утра и камасутра,
 Супружних дел сорвали тормоза.
 Скрывать не стану юности пороки,
 Сексаэкстрим волнует молодёжь,
 Узнать соблазн и прелести, уроки,
 И эрозонность поз – бросает в дрожь.
 Охота на любовь и страсть во взгляде,
 Весенний гон и кажется маньяк,
 Весна распутной девкой при наряде,
 Гормон любви встревожит – не пустяк.
 Томление чувств и стон дыханьем томным
 Прольётся в неге сладостный нектар,
 Любить себя признанием любовным,
 Поддавшись грёзам юношеских чар.
 Люблю писать в моменты вожделенья,
 Искать созвучье бьющихся сердец,
 Рукой себе доставить наслаждение,
 Позорный стих закончить наконец.
 Пест вырвется внезапно и победно,
 Дрожа в экстазе, кончив акт греха.
 Влечение осталось безответно,
 Довольствуюсь размерами стиха.
 Фантазий кайф – великая забава,
 Искусство возвышать и жизнь любить!
 Закрыв глаза, мечтаю, как шалава,
 Поможет плоти голод утолить.

Литературная проституция

посвящается писакам-графоманам

Притуляясь на парапет,
 Сделал он страшнее рожу...
 Вечным классикам привет!
 Рифмоплётством уничтожу.
 Все тогда поймут – поэт!
 Декламирует народу,
 Эмитируя сонет
 Всем желающим в угоду.

Пародируя куплет
 Старой песни молодёжи,
 На заре преклонных лет
 Он поёт из мест отхожих.
 Переписчик мыльных сцен,
 Как глашатай в префектуре,
 Заказуха без проблем
 Продаётся всё в натуре!
 Приглашайте хоть на час,
 Оплатите чай с интимом.
 Можно просто на рассказ,
 Можно даже с вазелином,
 Он надеется и ждёт
 Оглушительных оваций,
 На панель опять идёт
 Поправлять свои финансы.

Пародия на стихи

посвящается М. Вылегжаниной (стихи, опубликованные в газете «ЛитОргия» (ОмГУ), 2008–2009 годы)

Если стих превращается в прозу –
 Дарит кто-нибудь розу, мимозу...
 Разрешаются споров сомнения:
 Жизнь – любовь, а стихи – вдохновение!
 Безусловно, всё просто и ясно
 Нам в любви объясняться прекрасно!
 Бесконечные взгляды и вздохи,
 Импульс чувств в унисон суматохе.
 Ах, как можно поверить в прогнозы,
 Выражать лицемерные позы!
 Ах, от нежности сердцу отрадно!
 Где любовь – там всё просто и ладно.

Пародия на творчество

И. С. Федоровского, лауреата
 Омской литературной премии
 им. Ф. М. Достоевского

1-й вариант

Я справляю нужду, как в сортире,
 В сапожищах влезаю на стол,
 Проживаю в отдельной квартире
 На халяву. Беру за подол
 Бабу с возу. Поеду с хохлами
 Ворошить корни памяти, грусть
 Накатила. Срамными стихами
 Опозорюсь и в ж**у упыюсь.
 Подкаблучник сижу под подолом,
 Поженился и стал му**ком,
 Что вчера называли Дурдомом,
 То сегодня зовётся «Совком».
 Жаль «Совки» наши нынче не в моде,
 Воротиться негоже назад,
 Засмотрелся, как барышни ходят
 В ягодицы впивая глаза.

2-й вариант

Приберусь в коммунальной квартире,
 Подмету бородёнкой весь пол,

Оближу грязный кафель в сортире,
Прикажу – задирайте подол!
Враждовать с домочадцами стану,
Мимо урны прошу не сорить,
Ведь когда-то встречаются с ранним
Ощущением – надо в сортир.
Убираюсь совсем напоследок,
Под подол загляну, где-то есть,
Что вчера называли туалетом,
То уже унеслось и не здесь.

3-й вариант

Как на птичьих правах, но в квартире
Проживаю. Не весел, не зол,
Но зато написали в картине,
На портрете – я словно посол!
В незалежную вотчину двину,
Там, где «Киева власть» попросить,
Наплюют мне прохожие в спину,
Проклиная остроты и сирость.

Забреду в неизвестный посёлок,
Где не тронут соседи-враги,
Что вчера, ссорясь, драл под подолом,
То сегодня снимают портки.

4-й вариант

Как на птичьих правах, но в квартире
Проживаю. Не весел, не зол,
Словно царь восседаю в сортире,
От похмелья спасает рассол.

Уважать я соседей не стану,
Буду водочку горькую пить,
Бередя заскорузлую рану,
Попытаюсь себя извинить.

На кровать завалюсь напоследок,
Запою песню, власть матеря,
Утопая в плену полубреда,
Вспоминать пионерлагеря.

Журнал любителей литературы

Бульвар Зелёный

№10, июнь 2017 г.

Уважаемые авторы!

Журнал «Бульвар Зелёный» выполняет редакторскую и корректорскую работы
в помощь при издании книг, брошюр. Также наша редакция выполняет
рецензирование рукописей, проводит тематические консультации с авторами.
Расценки – ниже существующих на рынке.

**Приглашаем всех желающих в группу
журнала «Бульвар Зелёный» «ВКонтакте»:**

<http://vk.com/bulvarzelyonyiy>

**Перечислить взносы за публикацию или внести пожертвования можно
на карту Сбербанка 63900245 9008682156
Или на почтовый адрес одного из членов редколлегии.**

При отправке денежных средств не забывайте о процентах с комиссии!

Тираж 200 экз.